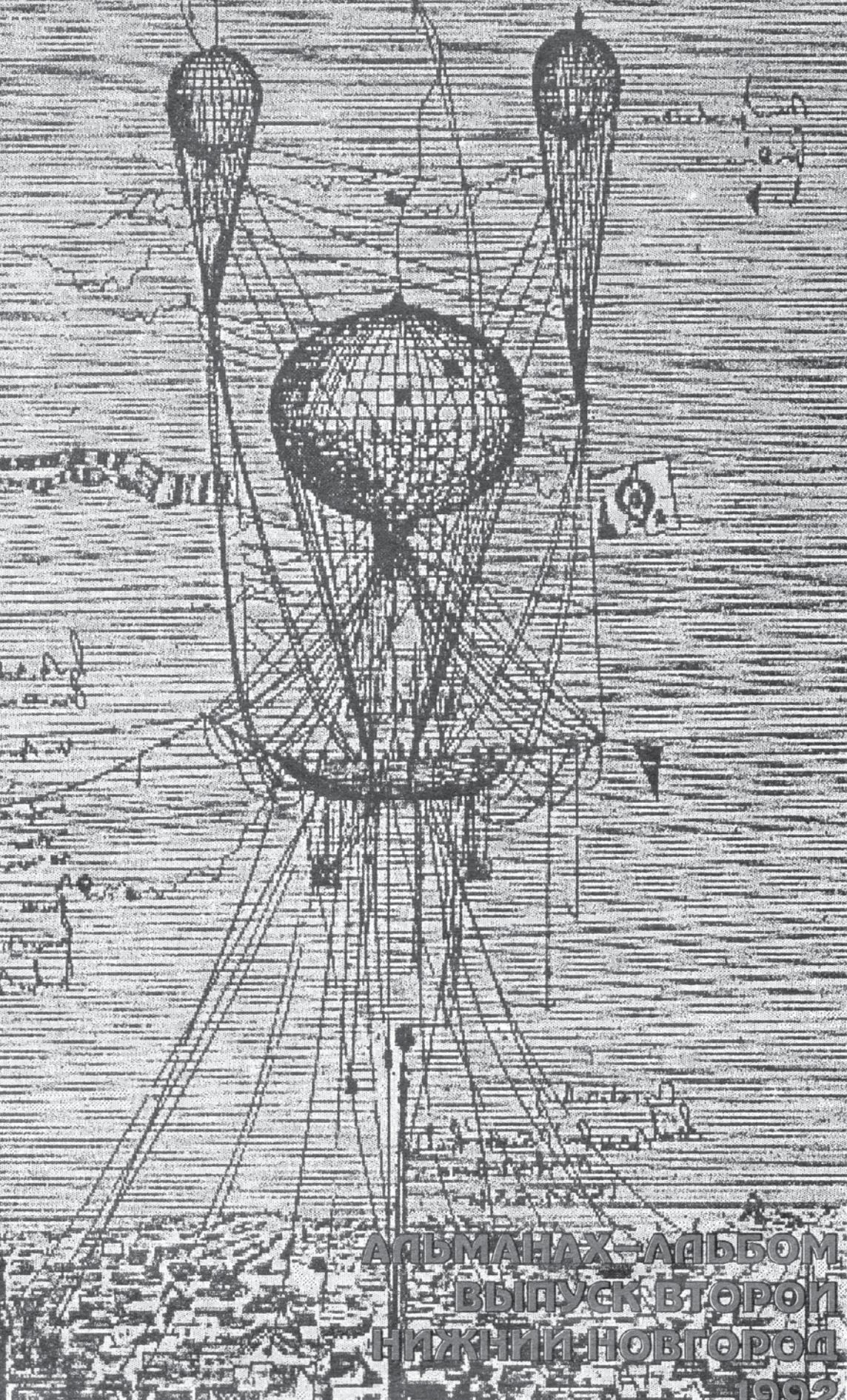

СТАРУХА БУДА

АЛЬМАНАХ - АЛЬБОМ
ВЫПУСК ВТОРОЙ
НИЖНИЙ НОВГОРОД
1992

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

Мария Степанова (Москва)	8
Владимир Плеханов (Нижний Новгород)	9
Дмитрий Крюков (Нижний Новгород)	12
Андрей Стрелков (Нижний Новгород)	16
Леонид Тишков (Москва)	22
Андроник Назаретян (Караганда)	44

ПРОЗА

Андрей Битов (Москва)	2
Аркадий Перенов (Нижний Новгород)	6
Михаил Погарский (Красногорск)	10
Алексей Михайлов (Нижний Новгород)	14
Юджин Миткевич (Минск)	18
Андрей Кавадеев (Москва)	20
Андрей Кутерницкий (Санкт-Петербург)	26

ИНТЕРВЬЮ

Владимир Малявин	32
Василий Кторов	40
Борис Гребенщиков	42

РЕЦЕНЗИИ

Елена Соболева	46
--------------------------	----

РИСУНКИ

Аркадий Перенов (6)
Павел Вещев (8, 10)
Николай Гнетнев (13)
Андрей Стрелков (17, 34, 35)
Вячеслав Мазуров (18, 44)
Леонид Тишков (22, 23, 24, 25)
Евгений Стрелков (2, 14)
Александр Кобяк (19, 47)
Марина Шляпина (42)
Дмитрий Иудин (26)
Резо Габриадзе (45)
Святослав Светоченков (обложка)
Александр Чернигин (9)

Дизайн Инны Готской и Евгения Стрелкова при участии Аркадия Липатова.

СПОНСОР ИЗДАНИЯ:

ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТОРГОВАЯ АССОЦИАЦИЯ "НИКА"

© ПТА «НИКА»

©Редакционная группа "ДИРИЖАБЛЬ", 1992

Формат 75x90/16. Бумага писчая. Печать офсетная.

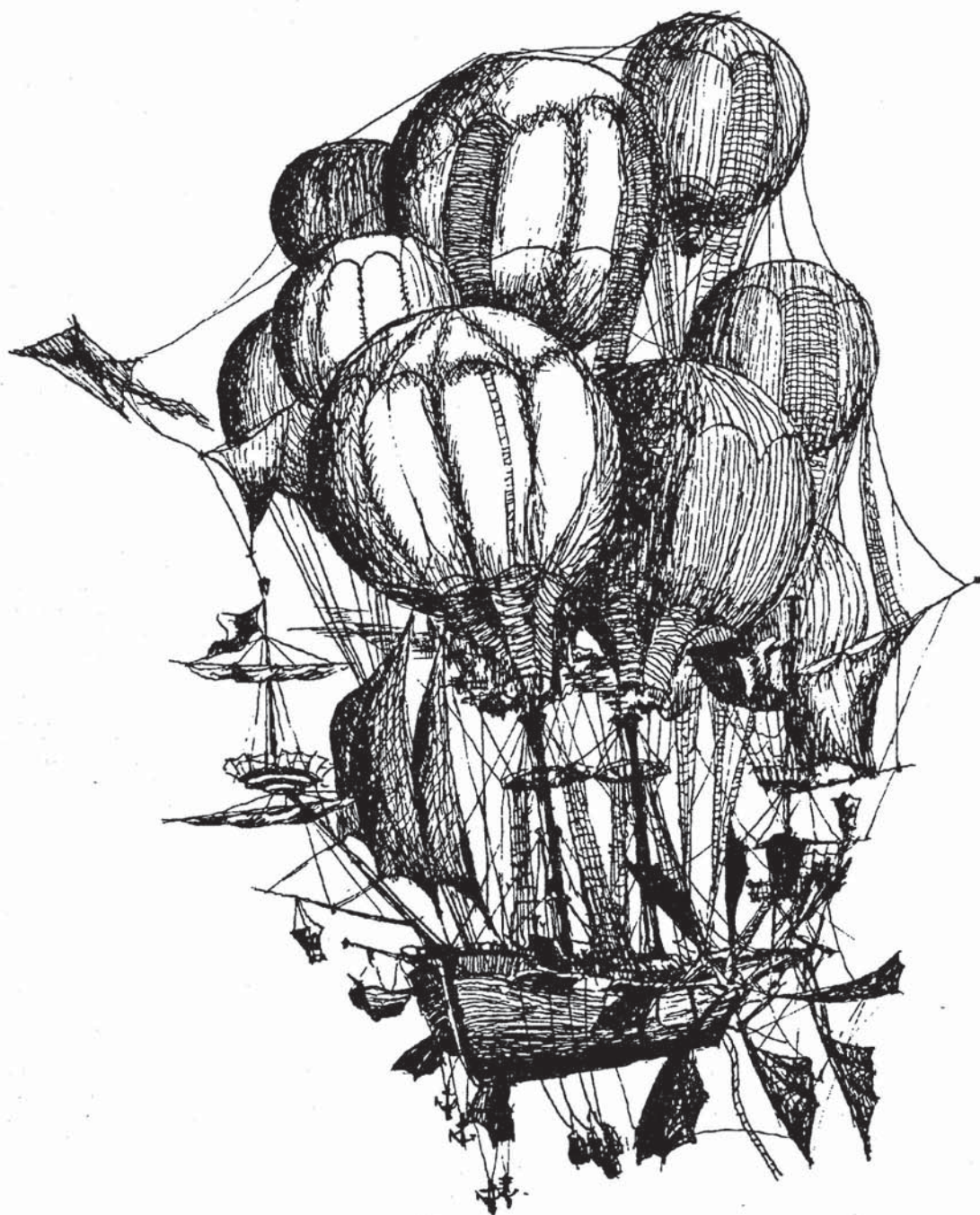
Усл.-печ. л. 3.9. Тираж 1000 экз. Заказ № К11

Отпечатано в типографии издательства «Чувашия», г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

Адрес редакции: 603116 Нижний Новгород, ул. Гордеевская 5, ПТА "НИКА"

Редакционная группа "ДИРИЖАБЛЬ".

...δια λαμπροτατου βαιουντεζ α βρωσαιθερορ
...неспешно двигаясь в струях прозрачного воздуха

Андрей Битов
Мое сегодня, 29 июля 1962 года.
Лес, дорога.

А И Б СИДЕЛИ НА ТРУБЕ.

Вот здесь же, в Токсове, как-то, два года назад, мне было так же, как теперь, два года спустя. Спустя-я - смешно! Не смешно. Все-таки смешно. Спустил. Спустил два года.

Конечно, мне было и не так же. Но тоже не писалось. А тогда ведь еще только кончался тот период, когда мне казалось: я хожу по рассказам, ими вымощен мир. В любой, мол, момент их под рукой тыщи - возьми любой. И я жалел, что я - это не десять человек, а то бы я написал эти тыщи. Упаси боже! Во-первых, эти тыщи... А во-вторых: как бы они ссорились, эти десять человек! Один-то возится, как десять.

Так вот, тогда, два года назад, этот период только еще начинал кончаться, так что, можно считать, он еще был. И вдруг такое чудо, что мне не пишется! Теперь-то у меня даже опыт в неписьме есть. А тогда это меня прямо ошеломило. Я кис, кис - и вдруг обрадовался: ведь я же могу написать рассказ о том, как мне не пишется. Даже название придумал: "Лес, дорога". Мол, вот лес, а вот дорога, и вот мне не пишется. И еще радовался: вот какая писатель машина, и из неписьма может сделать письмо. Впрочем, в этом и какая-то правда. Так ведь, чтобы писать было нечего, не бывает. Есть немота. Писать о немоте - это какое-то преодоление. И, может, мы, в основном, о своей немоте и пишем. О чем же писать в такое немое время? Я кис-кис, какая писатель, сделать письмо.

Рассказа я этого не написал. Хотя, кто меня, подлеца, знает...

И вот сейчас... Я болен, можно сказать... Да что там! Болен, болен. Неудовлетворенностью, неполнотой, немотой. И суетой чрезвычайной. А суета, как ее ни кляни - вещь любимая. Она ведь на месте пустоты. И только в случае пустоты. Так что она - недаром. Мы рвемся от суеты - и попадаем в пустоту. И без суеты нет ей заполнения, этой пустоте. И мы рвемся публично от суеты, и мы бросаемся ей в объятия. Может, не сознавая? Ладно, не мы, не мы! Я, я..! Нем, нем.

Во мне сейчас пустыня. Можно напиться, можно влюбиться... Если не то и не то - можно суетиться. Если уж и это отпадает - застрелиться. Конечно, лучший выход - писать. Переделывать пустыню. Дубовыми защитными насаждениями. Лес, дорога. Суховеи - сухо веют. Сухотка. Сухость мозга.

Ничего ведь не исчезает. В этом я уверен. Если б не уверен - то что же? Ничего не исчезает. Где-то все плесневеет в мозгу, неосвобожденное, неотданное... Обрываются какие-то связи - и не извлечь. Стучись, ложись, рвись, даже жалуйся - не натянуть струн. Нет связи. Кибернетика проклятая! Кир-бир... Кир-бир...

Вырабатывается прием...

Чик-чирик!

Чик-чирик.

"Я еще много, пожалуй, могу извлечь из своей башки!" - так я себя часто тешу. Чешу, почесываюсь.

Прыг-скок! Прыг-скок!
Брык... с коп! ыт.

Севулямирбетроп!
Севуля, Севочка! Се-ля-ви. Бетатрон. Доре-ми. Силь-ву-пле. Мир - бетон. Мир - батон.

Троп, троп, троп.

Маразм -
полнейший.

Графоман -
милейший.

Танцевальщик танцевал,
А в углу сундук стоял,
Танцевальщик не заметил -
Спотыкнулся и упал.

Я вышел из трибуны в зал,
Перевернулся и сказал:
Я помню чудное мгновенье
И мимолетное виденье.

И в этот миг
Я к вам приник.

Е-если б зна-али вы-ы-ы,
Ка-ак мне до-ороги-и-и...

На...! На...!

Мир, труд, счастье!
Одно забыли.

Мир, труд, счастье и братство!
Опять забыли. И не забыли, а вот,
попутал, не то слово вставили.

Мир, труд, счастье, братство и... братство
и... равенство!
Не монтируется.

Мир, труд, счастье, братство, равенство и
... и... свобода...

Наконец-то. Выговорили. Тьфу, как трудно было! Но чего-то недостает... Какой-то ясности. Определенности, так сказать. Так все есть - а чего-то и нет. Так-то так, да не совсем так. А, пожалуй, что так:

Мир, труд, счастье (не достаточно ли, товарищи, этого?)
Мир, труд, счастье, братство (может, хватит, а, товарищи?)
Мир, труд, счастье, братство, равенство (не слишком ли, товарищи?)
Мир, труд, счастье, братство, равенство и... и... свобода, мать твою так! (О-о, товарищи... Ох!)

Раз уж перебрали, то добавьте.

Мир, труд, счастье, взаимопомощь, братство, равенство и свобода... (кого, чего? Свобода, говорю, кого-чего?) ... всех народов. (Вздых зала: Все-ех.) Так бы и говорили, товарищи... А то что же получается? А так все на месте: Мир, труд, счастье, взаимопомощь, братство, равенство и свобода всех народов!

Урара-а-а!
Нельзя же: "Свобода, равенство, братство!" Было уже. Да ведь надо исходить и из конкретных условий...

Свобода, равенство - блядство.
Свобода, равенство - жлобство.

Братство, блядство и жлобство!
УР-Р-РА-А-А!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Чик-чирик, товарищи...

Ты у меня дочирикаешься!

Си-ижу за решеткой
В те-емнице сырой,
Такой-то такой-то
орел мо-алодой...

Чик-чирик!

А вот у нас на предпраздничном вечере самодеятельности всех зеков собрали: кто поет и пляшет, а кто сидит и смотрит.

И вот был у нас такой Костя Отвали, так он тоже выступал. Стихи с выражением читал. Очень он это здорово делал. Начальству нравилось необычайно. И вот объявляют: стихотворение Александра Сергеевича Пушкина, - и он это самое "Сижу за решеткой" читать начал. Да как! Все плачут, рыдают и хотят на свободу. А он все с большим и большим подъемом читает. И вот уже последняя строчка, и вот он уже кричит с болью и страстью:

Пора-а, бля-а, пора!!!

Голос сверху, снизу и сзади: - Только тихо! Не пой с чужого голоса. Ты сам-то сидел хоть? -А я что, я тихо... Просто себе напеваю. Разве вы не слышите:

Бля-бля... Бе...
Сидели на трубе...
А...

А.: Вот тебе и А... Говорю тебе: без балды, пожалуйста, без балды, дорогой...

Без Б (бе)

Б.: (оправдываясь): У меня в распоряжении целый этаж. Три двери, два балкона, один солярий, одна лестница и четыре окна - на четыре стороны света. С каждой стороны торчат верхушки какой-нибудь зелени. Ничто не мешает. Иногда внизу кричит дочка. Мой стол прямо в центре. "Как это ты догадался поставить его в центр, я бы никогда не догадалась", - говорит теща. Вокруг стола с четырех сторон веревки: на них иногда вешают пеленки. Это меня веселит. Вчера передо мной висели совсем не детские трусы. В мои обязанности входит колоть дрова, носить воду и керосин, иногда ходить в магазин. Если учесть, что гораздо большие помехи не мешали мне раньше писать, то сейчас мне ничто не мешает.

А.: Скажи мне, пожалуйста, что тебе мешает? Ведь, кажется, все у тебя есть, все о тебе заботятся, тебе не приходится ни о чем думать... Все условия тебе созданы. На тебя работали папа, мама и вся страна. Дали тебе образование. Одели тебя и обули. Накормили. Чего тебе не хватает, в смысле недостает? Скажи, пожалуйста. Мы потратили на тебя всю свою жизнь...

Б.(молчит)

А.: Ведь теперь ты уже большой. Мы не можем тебе уже помочь. Когда ты был

маленький, нам было ясно, чего тебе надо. Сейчас ты уже взрослый, и ты уже живешь сам. У тебя есть семья. У тебя есть свой опыт. У тебя есть свое дело. Ты смотришь на мир по-своему. Мы уже ничем не можем тебе помочь. Мы тебя любим, но ничем не можем...

Б.(молчит)

А.: Теперь уже все зависит от тебя. Если ты виноват, ты виноват сам. Что тебе мешает, дорогой?

Б.: Дорогие мамочка, папочка, тетеньки и дяденьки, дедушки и бабушки, тещинки и - как вас? - папы жен, дорогие граждане и гражданочки! Ничто мне не мешает. Я вам очень благодарен и признателен. Мне от вас ничего не нужно. Я буду вам благодарен до конца дней своих. Если я чего-нибудь от кого-нибудь хочу, то это от себя. Но и в этом я не уверен. У меня подрезаны крылья, дорогие гражданочки.

А.: Нет, вы мне скажите, кто их вам подрезал? А? Может, я, который всю жизнь работал и проливал кровь за таких, как вы? Может, я, который ни разу о себе не подумал?

Б.: Что вы переживаете? Вы не переживаете. Мне и так трудно собраться с мыслями. А если так... то, может быть, и вы. Почему же это вы о себе-то не думали? Может, этого мне и нужно было, чтобы вы о себе думали, а не обо мне. Как же вы о других-то можете думать, если вы о себе не думали ни разу?

А.(молчит обиженно)

Б.: Ладно, ладно... Не вы. Я не прав. Я действительно не о том хотел сказать. Ну хотите, я еще раз извинюсь? Ну хотите, я на колени встану? Мне это ничего не стоит, честное слово. Ах, вам надо, чтобы стоило? И это вы так о себе не думаете? Ну ладно, если по-честному, это мне дорого стоит. Вернее, стоило. Да и, в конце концов, я не вам это говорю. Пойдите и пройдитеесь. Подышите, так сказать. И подумайте о себе.

А.(уходит оскорбленный)

Б.: Господи, как он меня сбил... О чем же это я? Нервы все. Единственное

интеллектуальное приобретение в наш век. Так вот, гражданочки, никто из нас не доезжает до города. И это очень грустно. Может даже, если брать только одну сторону вещей, именно это их и подрезает. Так называемые крылья. Уверенность существует только в пору щенчества. Дальше сразу начинается невозможность. Конечно, существует благородное служение количеству ради будущего качества. Кости, если расшифровать. Удобреньце. Не пропадет ваш скорбный труд. Маленькое, но нашенское. Благородная нищета: в заплатках, но чистенькое. Но что же сделано хорошо без уверенности, хотя бы и тщательно, и робко скрываемой, что тебе за это суждено бессмертие?

(Возвращается А., дружески все простив, берет под руку Б.)

БА.: Не верите? Представьте, что вы умираете. И что же, в таком случае, можно от человека еще отнять? Пусть сожгут ваши рукописи. И вы поймете, как много у вас еще осталось.

АБ.: Впрочем, чего не надо, так это говорить о смерти. Это пижонство, дорогой.

БА.: Обращение "дорогой" без всякого повода - это тоже пижонство. Какой я тебе на ... дорогой! Когда ты меня ненавидишь.

АБ.: Я тебя? Помилуй...

БА.: Тогда я тебя ненавижу. Я не я, а труп с квалифицированной сиделкой. Кому там помогают припарки? Душа сдохла, а тело ее охаживает. В иное время жену хоронили вместе с мужем. Тоже ведь проекция самоубийства. Дорогой человек уже мертв, так почему бы не убить второго, насильника трупов (как это называется), не убить второе, телесное, я?

АБ.: Ну, если тебе не нравится "дорогой", то милый... Милый мой, ну скажи, разве говорить о самоубийстве - это ли не пижонство? Ну, что о нем говорить? В некоей цивилизованной стране существует даже право на него. Это временное, дорогой и милый, поверь мне. Это только в первый раз страшно. А потом в этом будет такой же опыт, как ты, признался, у тебя в неписьме. Ты просто еще ребенок.

БА.: А ты умудрен до тупости.

АБ.: Ах, прости! ... Ну, просвети меня...

БА.: (с чрезмерным выражением)

Вот здесь когда-то
На самую крышу
Начальной школы
Я мяч забросил...
Что-то с ним случилось?

АБ.: Чего-нибудь японского? Рыбного?.. И ты думаешь, что он может до сих пор там лежать?

БА.: Он там лежит.

АБ.: Интересно... Что же ты лепишь о смерти, если он у тебя там лежит?

БА.: Боюсь, как бы ты его не спер.

АБ.: А ты меньше выбалтывай сокровенных тайн. Тогда не сопрут.

АБ.: С тобой поговоришь...

БА.: А хули!

(Входит невозможных размеров И.)...

Гениальная, по-видимому, мысль, записанная А.Г.Битовым в особых условиях, и так ни кем, в том числе и им самим, до конца не прочитанная.

О тупости до
Скелетов на Вяз
миссия обещана
Вот Вяз обещана
Купите у нас
не жалко, что
Решите

Аркадий Перенов

Остановивший весну

Я пытался остановить весну, хотя бы здесь, на чужбине. Каждый вечер входил в мерцающие ворота кинотеатра и, покидая мир целлюлоидных грез, вздыхал, запахивался в плащ и слышал последние крики трамваев. Было дрогло, на юг возвращались гуси, и я, сын прославленного маршала Удэ, засыпал на черной свалывшейся подушке - со слезами.

Наступало утро. Я разбивал над сковородкой лотос яичницы и срывал с календаря еще один начавшийся день с Авиценной, Абу-Бакаром или славным путешественником Квоном Хомуном. Я долго закрывал дверь с нарисованным Солнцем и шел на работу, - разбивать картонные ящики и насыпать опилки в большие полиэтиленовые мешки.

Однажды у меня был выходной на неделе, и я познакомился с ними. Они с птицами и цветами сидели на балконе и нарывались на общественный скандал. Грызли конфеты храбрости, брэнчали на гитарах и пели нарошными ослиными голосами с подвыванием и бляением. Когда приходило время, спускались по веревочным лестницам за хлебом и вином.

Соседи звонили куда надо. Компания явно мешала им глотать пыль в своих золоченых квартирах и считать часы до неминуемой смерти. Они уходили от муниципальной милиции по крышам домов. Кисточка стрелял из арбалета. Крюк со стрелой вонзался в стропила соседней крыши. Веревка натягивалась и звенела. И по ролику с ржавым колесиком компания скользила и пропадала в дальнем микрорайоне.

Под пронзительные звуки милицейских флейт последним уходил Кисточка. Он громко свистел и пел очень короткие и обидные куплеты.

Ветер раздувал полы моего дорожного платья, в какой-то дикой застенчивости я смотрел из-за косматых волос на свои застиранные кеды, а кто-нибудь, находившийся на балконе, вскрикивал и бил себя по худым ляжкам и кричал: "А вон стоит Юань Кай, сын маршала Удэ!". С балкона спускали рыбачью сеть и поднимали меня вверх. Девичьи руки младших сестренек накрывали на стол. Мы пили чай и смотрели на Луну, и только и было слышно: "Счастливой дороги, господин, госпожа". А мне, когда все расходились, стелили тут же, на балконе. Я шарил

руками и находил детскую заброшенную юлу, и запускал на узком, почти карманном пространстве. Юла жалобно пела о тяготах дорожных скитаний, здесь, на чужбине. Я прижимался к ней щекой и закрывал глаза.

Под зелеными холмами текли войска моего отца. В нашем загородном доме высох бассейн, и в луже била хвостиком перламутровая рыбка. Над летней террасой кружил молодой орлик. А по песчаной дорожке скакали молодые легкомысленные белки.

Я не хочу слышать шума военного барабана, я дезертирую в весну. Стою с Битлами на берегу английского моря. Чуть позади Джорджа и закрытого соломенной шляпой Джона. Здесь, по словам Чэн Зсясуя, живя-обретаясь в землях, объятых печалью, я хожу каждый вечер в кино, пытаюсь остановить весну. Я раскидываю руки на шоссе. Машины объезжают по расписанию. Стою под лункой, идет дождь, летят чужие летучие мыши, благоухают чужие цветы. Вуди Аллен со своими черными друзьями играет мелодии Сая Оливера на Нью-Йоркских балконах, в унисон милицейским флейтам, закрыв глаза и не замечая ни взлетевших коробчатых воздушных змеев с нарисованным Солнцем, ни стрел арбалета с крючьями, ни звенящих шелковых веревок, по которым, держась за ручку со ржавым колесиком, скользит весна, уходя от моей погони - погони Юань Кая, сына прославленного в веках маршала Удэ.

Сулла

С ума мы посходили, скажу я вам. Записались в парашютный клуб, прыгнули один раз с самолетика, похожего на полуразвалившийся палисадник, на зеленую тетрадку земли. Вернулись в город и ходили, и искали друг друга. Олегу я нашел на стройке.

- Ты там, Олега, - кричу я в нечто похожее на панораму Сталинградской битвы.

- Да там он, - ворчат старые рабочие.

В красном облачке кирпичной пыли Олега выходит на фрагмент балкона, берет замершими руками трубу и без всякой подготовки выдает "..."

Ему до вечера варить стояки парового отопления. К тому же мне тоже пора на работу. Я сажаю деревья, из которых на пять выживает одно, а мы все равно их сажаем. У нас план.

С ума мы посходили, скажу я вам. Я, Сулла, ходил все утро по городу в трусах, наклонялся над каждым киоском "Союзпечати" и спрашивал очередного киоскера, не Созвездия ли Гончих Псов он человек.

Один киоскер, лысый и грустный, согласился, как соглашались все на втором курсе. В котовой поддеггайке бью в раздолбайский газ, бум-бумс, бамсики. Еще двадцать минут его использовали для радиопостановки, пускали кораблики, делали бурю, завывали для радиоинсценировки Стивенсона. Дипломная нашего монгола - Дорж-Сурена Хорын Энхэсейхана Доржа.

Денег ни хрена не получили, а сколько надо, чтобы купить Детский Мир?! Зашагают куклы Мамси, луноходы будут деловито переваливать через мою пожарную куртку, и Айболит, похожий на Франсуа Миттерана, не прожарит на своей сковородочке мою яишенку.

Жена меня выгнала из дома. Не захотела быть тихой и неслышной. Неделю выходил из-за угла дома, как лимонадный Джо. В чистой рубашке, с ясным взором. Но занавеска не дрогнула.

У знакомых старичков съел все их постряпушки и спел песни Гражданской войны.

А потом шел мимо туберкулезного санатория, залез на забор и смотрел, как больные режут в бильярд. Шары стукались друг о друга и выдавали нечто похожее на Хиль-Брель.

С ума они посходили, скажу я вам. На даче друга матрац вонял псиной, я

спустился к ручью и сидел с костром, похожим на лицо канадского школьника Поля Акну. Под утро я был вполне сутулым, вполне с карманами, я их набил сухими сосновыми шишками. Дома, если и появлюсь через месяц, сделаю шторы с запахом лиса и взглядом лиса, его я забыл приручить, и все потому, что я - Сулла.

В автобусе, когда еду, никого не узнаю, а ее уже знал. Красивая, прошлым летом покупал у нее виноград и договаривался о встречах.

- А куда ты меня повезешь, дружок, - спрашивала она, глядя искоса, в конце улицы.

- Поедем в Карфаген.

- А я там была-а-а.

- Да что ты? - Предложи я ей Сумы, поехала бы не раздумывая.

Сейчас к ней подбираюсь, перед всеми извиняюсь, беру ее за руки и начинаю их трясти. Лицо идиотское, радостное.

- Ты кто?

- Я мальчик с прошлого года.

- А имя?!

- Сулла.

- Странненько, не помню.

Смотрит пытливо, вглядывается, как в глубины океана.

- Где я тебя видела?

- Да мы прыгали в прошлом году с парашютами. Я еще пытался снять с тебя штаны на высоте двух тысяч метров.

- Вспомнила, - она обрадовалась. - Ты покупал у меня дерьмовый виноград и приглашал в Карфаген. Представляешь, из-за тебя я поступила на исторический. Спасибо, отец родной.

С ума мы посходили, скажу я вам. Сижу на ее подоконнике, смотрю, как темнеет глазок ближней двери. Там за дверью - Сулла-Сулла-Сулла...

Хлопнула дверь с улицы, может, это она, соскочил с подоконника в золотых, медных ли латах, кажущихся бутафорскими, в запыленных, со многими ремнями сандалиях и пошел навстречу со ступеньки на ступеньку, со ступеньку на ступеньку.

Мария Степанова

Странник

Странник еще прощается у дверей.
Призрак его возвращенья во мгле маячит.
Лают собаки. Рассвет. Домочадцы плачут.
В доме хлопочут. Не различить близких и их теней.
Странник уходит в путь, унося у глаз,
На расстоянии взгляда, по-над дорогой
Калитку, мокрые клены и дом анфас,
Прежние лица столпившихся у порога.
Странник идет по тропе, и в его уме
Сотканы сотами дней имена селений...
Призрак его возвращенья у дома стоит во тьме,
С каждым годом бессильнее и согбенней.

Сад

Начинается сад за седьмым покрывалом небес.
Прорастает соцветьями в стекла, и бревна, и кровлю,
Начинается сад, и за ним открывается лес.
Продолжается лес, и охотник выходит на ловлю.
Эта песня о саде, о цвете, о грузе цветов,
О предельно запутанной сети, где руки ветвисты,
И листва разомкнулась на сотни своих голосов
В ожидании путника - пленника и копииста.
Это слово о саде. Я просто его помяну.
И достаточно имени сада, чтоб жить и двоиться -
Проникающим в небо, плетущим в его глубину
Бесконечную клетку для путника, облака, птицы.

Рисунок Павла Вещева

Владимир Плеханов

Времена года

*Это - влияние статуй. Вернее, их полых ниш...
И.Б.*

Снег продолжается
Уже год не цветет камыш
Тяжесть в окне
Пыль висит над проселочной дальней дорогой.
Пустота. Тишина окрест.
Внутри любовь говорит жизни: "Не трогай."
Уже десять лет.
Та принимает за камень, с трудом продавливая
стылые воды
Мой бурунчик не больше прочих, и это радует
Иду к свободе растворения во всеобщей ночи.

Святость разохлась, синоним не манит
Дыра в сердце важнее, чем дыра в кармане
Которая тоже не в радость.
Петь.
Возвращение рептилий в море, щелку
Души сквозь зрачок или орла-решетку
Означает - терпеть.
Время рассыпалось сетью крошек
Страх испугался, что грусть заглохнет
И испарился. Зима. Снега.
Что ни скажи - все как в строку лыко
Даже сны не приносят крика
Их продолжение на листе
Не содержит сносок, полей, страстей.

Зимний набросок снегов и точек
Красных и черных. В объятьях строчек
Можно смириться с любой пыткой
Только не с этим в замерзшей раме
До комариного писка пейзажем.
Ползу улиткой
По склону Фудзи или Бродвея
Нет у судьбы ни беды ни счастья
И в душе не осядет сугроб участия
До наступления апреля.

Рисунок Александра Чернигина

Михаил Погарский.

Фрагменты излишней жизни.

*Ять - название буквы "ъ", означающей в древности особый звук. Отменен реформой.
(Из словаря)*

Яти про деда Пехоркина.

Дед Пехоркин внешне похож на Льва Толстого в очках. Выражение его "ты говоришь" вовсе не означает, что я при этом что-то говорю.

ъ - Вот ты говоришь, почему космонавтам героя? А ты бы смог полгода без баб?! Без водхи?! А ты говоришь, героя...

ъ - Вот ты все думаешь, думаешь. Чо думаешь-то? Молодой еще думать-то! Тебе еще за девками бегать надоть, водху пить, а ты думаешь...

ъ - Вот ты говоришь, Париж! А чо Париж? Там небось за водху работать надоть. И за девку платить, опять же...

ъ - Вот ты вроде умный мужик, ну скажи, неуж при хомунизме и водхи, и девок всем, это самое, значить?

ъ - Ты говоришь, старуха. Да нечто старуха баба? Да это все одно, чо завместо водхи касторки скушать.

ъ - Я тут так понимаю. Ежели ты народом избран, то изволь, будь любезен, о народе и думать, чтоб не ты один, понимаешь ли, водху жрал! И девки опять жа...

ъ - Я так думаю, они там квасят. Заведут себе фляжечку этакую, и прям там же и квасят. И девки у них завсегда на взводе. Я думаю, так. Ну скажи, ты бы что - не квасил?

ъ - Чтой-то я не пойму теа. Может, ты больной, или как? Пехоркин в кои-то веки бутылку от пенсии оторвал. А он девок не позвал, стаканы не мыл. Друх называется.

ъ - Ты говоришь, водхи. А что водхи? Водхи - оно конечно! Водхи можно и без баб выпить. Можно сначала, например, водхи выпить, а уж посла и по бабам пойтить.

ъ - Был у меня этоть, случай. Толи водхи выпить, знайчить, то ли, это, к девкам пойтить. Чо ж ты думаешь? Совместил, этоть...

ъ - Как оно там, этоть: "Не водхой единой жив человек". Понимали люди.

ѣ - Дед, а ты разве куришь? - Я-то? Не-е-е... но люблю это дело. Особенно когда водки нет, да и девок, опять жа...

ѣ - Люблю я на рассвете бокал старого бурхунского выпить... А пося, конечно, и водки неплохо, и энтих самых, опять жа...

ѣ - Тут этотъ, говорят, ты про меня строчку ведешь. Дык с тебя этотъ, стакан получается. Девку-то тебе, оно конечно, слабо привестить, а стакан, этотъ самое, значить...

Яти об Иисусе.

ѣ Однажды Иисуса спросили: действительно ли не нужно пахать и сеять? - Да, - сказал Он, - но лучше все-таки сеять, а то что же есть птицам?

ѣ Однажды Иисуса спросили: действительно ли он принес Меч в Мир? - Да, - сказал Он, - но хотел ли я этого?

ѣ Иисуса спросили: можно ли пить в субботу? - А вот это смотря с кем, - отвечал Иисус.

ѣ Иисуса спросили: действительно ли надо жить так, "чтобы не было мучительно больно..." - Да, - сказал Он, - но тогда уж лучше вообще не жить.

ѣ Иисуса спросили: как понимать слова, что жизнь человеку дается только один раз? Ничего не сказал Иисус, лишь долго смотрел на Голгофу.

ѣ Один раз Иисуса спросили: а кто больше всех искажил учение Его? - Я и искажил, - отвечал Иисус.

ѣ Иисуса как-то спросили: кто сильнее - Слово или Бог? Замолчал ответ Иисус.

ѣ Иисус очень любил изгонять торговцев из храма. Даже про учение свое забывал при этом. Узнал про то Иоанн Креститель и очень расстроился.

ѣ Иисуса спросили: может ли грамотный инженер не иметь зачета по физкультуре? Иисус не понял вопроса.

ѣ Иисуса спросили: надо ли давать людям землю? И Он опять ничего не понял.

ѣ Иисуса спросили: хорошо ли это, что люди пишут стихи? И Он в третий раз ничего не понял.

ѣ Иисуса спросили: сколько букв в слове Бог? - Одна, - ответил Он.

ѣ Иисуса спросили: за что Зевс покарал Прометея? - А чтобы не выпендривался, - отвечал Иисус.

ѣ Иисуса спросили: может ли писатель писать плохо? - А зачем? - удивился Иисус.

ѣ Иисуса спросили: можно ли над ним смеяться? - Я привык, - сказал Он, - 2000 лет смеются.

ѣ Однажды Иисуса попросили воскресить Лазаря. Он взялся наобум, оно и вышло.

ѣ Иисус, когда выпивал лишнего, очень любил чудеса делать. Даже море по колено прошел.

ѣ Однажды Иисуса спросили: что было раньше - слово подкузьмить или Козьма Прутков? - Сначала был Прут, - ответил Он.

ѣ Однажды Иисуса спросили: нужно ли пить цитрамон, если болит голова? - Нужно, - ответил Он, - если больше нечего пить.

ѣ Однажды Иисуса спросили: за что Он не давал веры святому Сергию Радонежскому? - Из скромности, - отвечал Иисус.

ѣ Когда Иисусу очень хотелось выпить, Он и воду мог превращать в вино.

ѣ Однажды у Иисуса спросили: можно ли думать о природе Троицы? - Можно, - сказал Он, - но лучше просто сообразить по образу и подобию.

ѣ Иисуса спросили: как Он относится к критикам? - Блаженны нищие духом, - сказал Иисус.

ѣ И еще раз спросили Иисуса: действительно ли можно над ним смеяться? - Над Иисусом можно, над верой нельзя, - ответил Он.

ѣ Как-то Иисуса спросили: есть ли выход из тупика? - Есть. И даже два, - отвечал Иисус.

ѣ И в третий раз спросили Иисуса: неужели и вправду можно над ним смеяться? - Да, - отвечал Иисус, - лишь бы не я над вами.

Дмитрий Крюков

ПЕРЕДЕЛКИНО

1

Иль этот мир приходит слишком поздно,
Иль, различив тропинку ранней смерти,
Свершенный шаг, чей лейтмотив не познан,
Сгорает в недоношенном конверте.

И мы, застыв в произвольных позах,
Еще способны прошептать: "Поверьте...",
Когда случайный подмосковный воздух,
Как будто пробку, голову отвертит.

И станет очевидней клоунада,
Запахнет жженым волосок вопроса:
"А может быть... все это... так и надо?"
И в стену лбом, как эта папироса,

Как человек, дышащий полной грудью,
Летит на растерзание к безлюдью.

2

Я полюбил всерьез безлюдье мест,
Где брезжит столь фатально, сколь и редко,
Женитьба, брага, книга и отъезд
На родину мифического предка.

Прощай, Москва! Единожды отпивши
Твоих околоплодных сталых вод,
Не пожелать себе, как другу, пиршеств
За чей-то счет. А повседневный ввод

Вторичных лиц в компьютерное чрево -
Не более чем правило игры:
Вскрывать для друга баночку икры
И втуне напиваться - для сургева.

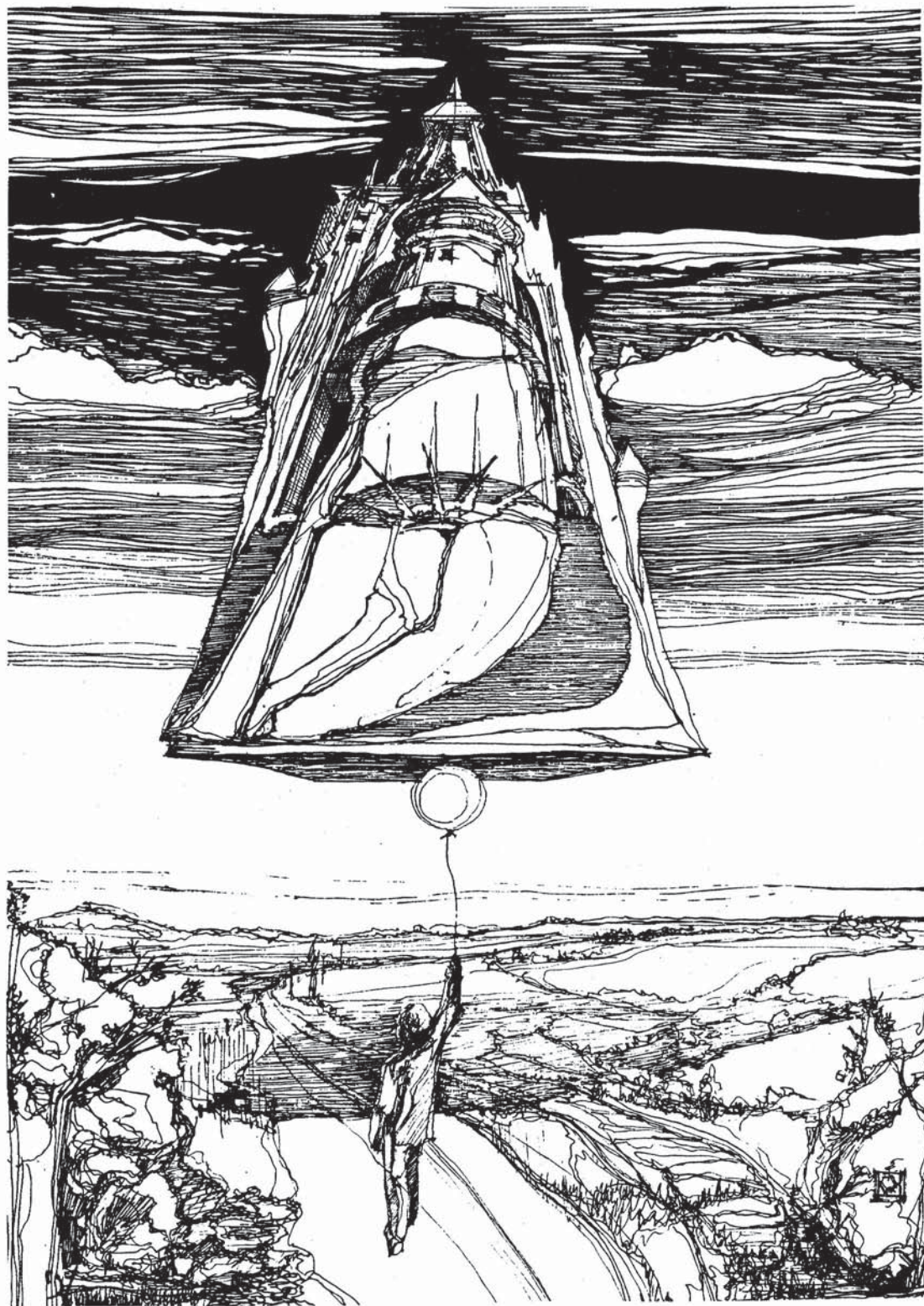

Рисунок Николая Гнетнева

Алексей Михайлов

Ленинградский вокзал.

делириум в записках

7.00. А что, позвонить туда нельзя? Ну как же я договорюсь-то по телефону... Не-е-ет. Знаешь что? Давай часов в одиннадцать. Лучше полдвенадцатого. Ну а где? Прямо там. Так там же столпотворение. А там будут слева такие будочки. Какие-какие будочки? Там-там.

7.05. Что же делать-то здесь четыре часа? В Москве холод собачий. И озноб бьет. Съездить к М.? Час, еще полчаса, столько же назад - здравствуй, М., и прощай. Нехорошо. А что хорошо? (Чувствуешь себя космонавтом-два, которому через четыре часа суждено узнать свой жребий.) Хорошо попить кофе. Но его нигде не варят в такую рань. Есть ли что-нибудь на свете несбыточнее чашки кофе? Может, поехать на угол Маркса-Энгельса-Фрунзе и стучать до обалдения в дверь?

7.10. Не будет тебе ни М., ни кофе, ни Гоголевского бульвара. Будущее нужно строить здесь, на площади трех вокзалов: "... и выход к вокзалам: Л., Я., и К." Даже двух: слишком мало сил, чтобы переползти площадь. Выйди к вокзалам, умойся и причешись за пятнадцать копеек. Делай же что-нибудь, как говорила одна твоя знакомая (и тут же переводила: *via est vita*).

7.30. Вот что я сейчас сделаю: сей же час, сию же минуту я позвоню Д. Ребята, здесь, кажется, был межгород? - трое в тельняшках и еще в чем-то сверху. Питерские студенты? Потянули бы на митьков, если бы не восторженный блеск в глазах. - Да, где-то был. - Да, я тоже помню. - Да, спасибо. - Да нет, спасибо, я здесь ориентируюсь.

Медленный и стремительный исход на улицу. Ясно, что исход - это не из того словаря. Ну а как еще назовешь движение человека, обьятого горячкой и внимательным отношением к окружающим?

7.40. Простите - милиционер останавливается - где здесь междугородный телефон? (Это я его спросил, поэтому он остановился и теперь неопределенно вращает глазами и широко обводит площадь рукой. Что я, без него не вижу красот щусевской архитектуры? Двоечник.)

7.45. Билет ваш где? Какой билет. (На вопрос не хватает сил.) На поезд, какой же еще? При входе в Ярославский бдят двое в униформе. Неукоснительные ребята.

Рисунок Евгения Стрелкова

Телефон междугородный здесь? МНЕ ПОЗВОНИТЬ. Пустили. Кручу диск. Странно это: в вокзал пускают по билету на поезд или по рублю. А как же - в поезд?

8.00. Вокзал Я. пуст. Голые ряды оранжевых кресел перестали даже надеяться на тепло человеческого тела. Но и это не прельщает. Призраки мешков еще долго будут жить здесь. Махнет волшебная палочка, и они мгновенно заполнят низкое и гулкое, как брандвахта, помещение, и погребут под собой тех немногих, у которых есть билет или сеанс связи с городом - поселком. Хочется убежать. Интересно, а выпустят без билета?

8.20. Иное дело вокзал Л.: высокий и светлый, как бассейн для плавания. Пахнет чебуреками и освежителями для платных туалетов. И еще есть верхняя палуба с видом на поезда, рельсы, автосцепки и туманы города Л. Туманы города Л. - они начинаются сейчас же, как только поезд наберет скорость, и проводники пойдут по вагонам. При этом ведь они очень быстры относительно земли-Земли.

9.00. В журнале пишут про девочку, которую любит молодой священник, а она не любит никого. Зато все понимает в этой и той жизни. За то она все и понимает. (Привет! Наверное, это ее унес от тебя эскалатор пару часов назад.) Да что же она понимает - то? Боже, как это утомляет. Понимает ли она, что эфемерное ее достоинство не стоит и тысячной доли заплаченной за него цены? Впрочем, как это. И понимает, и не достоинство, но платила не она. Некий пожилой и богатый господин дарит прекрасной служанке алмазный перстень и держит ее взаперти. Из одного лишь чувства прекрасного. Вот и Господь Бог иногда, ослепленный Красотою своего же творения, дает ему все, чем владеет сам. Не зная, что тем обрекает его на гибель. Непосильным оказывается дар для детей его. Мечутся они по земле-Земле, пытаются избавиться от этой тяжести на плечах. Поминают отца недобрым словом. И исчезают, не оставив ничего.

Катится сверкающий шар - и вдруг рассыпается на тысячи мелких невидимых глазу осколков. А ты уже устал видеть это ты кричишь ему зачем ведь ты же Бог ты все знаешь зачем ты это делаешь а он сидит мудрый и беспомощный старик и плачет. И говорит НЕ ЗНАЮ. А ты спрашиваешь что же теперь с ними Господи а он отвечает ты сам если надо я дам тебе сил любви их делай что хочешь помоги им и мне. Они холодные а ты согрей их они умные а ты стань умнее они сильные, а ты стань сильнее можешь работать топором по дереву я дам тебе лучший топор или пуская самолетика с крыши я дам тебе лучшую бумагу для

самолетиков захочешь говорить я вложу в уста твои лучшие слова только сделай что-нибудь только терпи и делай что-нибудь отведи от них этот удар страшного и непоправимого знания хотя бы на одно мгновение хотя бы на один вдох полной грудью хотя бы на один взгляд сделай чтоб они жили. Но это трудно и что будет со мной а как же я спрашиваешь ты и он отвечает а как же я и еще говорит: иди и делай.

И ты идешь и машешь топором и пускаешь самолетика или сидишь с кошкой на руках только не пишешь стихов потому что стихи им нельзя ты это знаешь и изредка хочешь думать что ты герой а думаешь что ты сам по себе ничто но это ерунда это совсем не страшно если хотя бы один шар не превратится в осколки а разделится надвое...

10.00. - Ну вот, температура вроде бы и спала. Теперь-то ты понимаешь, какой же все это бред? - Нет, это правда. - Это - правда? Ты просто попал на вторую роль и насочинял что-то для самоуспокоения. Я же тебя насквозь вижу. - Нет, все это правда. Я вообще не в роли... - Ты пойми, что это сон, бред, твоя фантазия, а еще есть жизнь. И если ты останешься таким как есть, то всегда будешь "космонавтом-два." Тоже мне космонавт! Хотя ведь тебе невозможно ничего объяснить... - ...

10.30. Опять эти полустуденты-полумитьки! Сели напротив.

Ты еще вспомнишь все это: как, с кем и зачем приехал ты в Москву ранним поездом, и была пасха, и что было потом.

Почем чебуреки, ребята?

Восемьдесят пять!

- Штука? - ужасается почтенная дама рядом с митьками.

Нет, вся тележка, мадам.

Иди же!

Купи тележку чебуреков, и поскорее. Ведь тебе уже скоро ехать туда, к "будочкам", а ты забудь, что уже знаешь исход этой встречи. Забудь про полукруг добра, и про полукруг зла, и про то, что ты в данной точке жизни прошел их оба. Хотя - именно это спасает тебя от веры во что-то еще.

Храни нас, Господи!

Москва-Н.Новгород-Черемас
1991 г.

Андрей Стрелков

Влияние луны

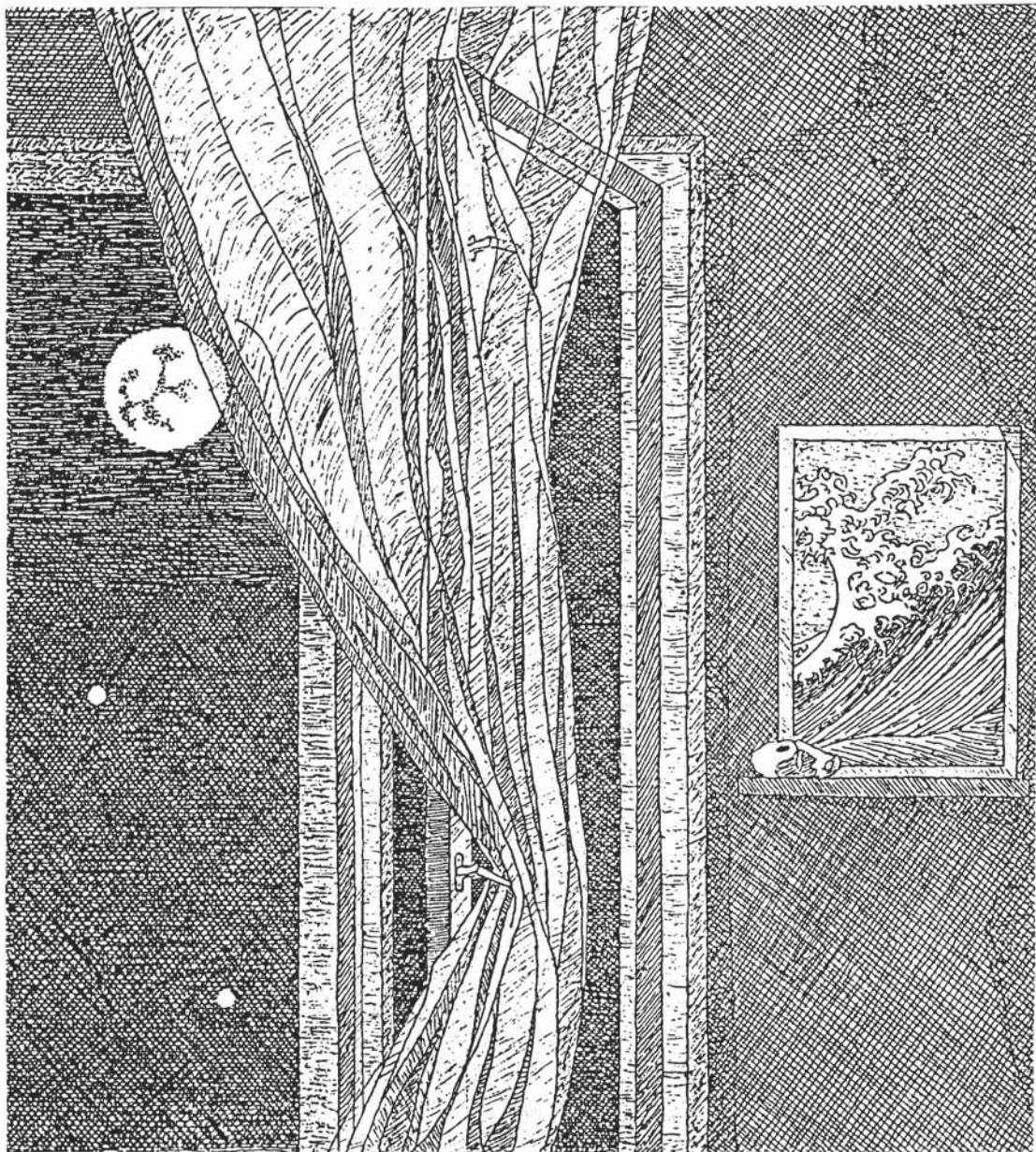
Зима окончена. Влияние луны
Уже не так мучительно. Послушай
Я называю формулу весны:
Сплетенье тел предполагает душу.

Как мало оставаться одному
Как пыльны книги бывшие с тобою
Весь этот день. Безумною трубою
Кричало солнце. Падала вода
С железных крыш. Мне было без труда
Тебя найти, но не было для встречи
Ни нужных слов, ни повода, ни губ
Готовых раскрываться без печали.

Для того чтобы стать Буддой
Нужно родиться царевичем
Иметь к совершеннолетию двадцать жен
И четыре загородных дворца
Из расчета на каждое время года
И играя на лютнях ввиду у народа
Срывать счастливые "Ах!"
Считаться жемчужиною красоты
Служить оселком для обтачивания языков
Придворных поэтов. Любить цветы
Как все утонченное, как свое отражение
Имея все это, увидеть однажды что-нибудь наугад:
Подбитую птицу, мертвую черепаху, или просто
Порвать на груди рубаху, зацепившись за сучья
В своем саду, упрекая в случившемся глупый случай
Как и во всем приключившемся вслед за этим.
Догадаться, что пойман, забиться, порвать золотые
сети

И оставляя ни с чем ловца
Уйти на рассвете с улыбкою из дворца
Оставляя в прибрежных ивах
Клекот иволги и голоса любимых.
Что же оставить мне?
Чтобы выполнить заданный горький урок контраста
В этой дикой глухой оставляемой стороне
Даже след не оставить на корочке черного наста.

Как спокойное море равнина лежит ровна
И слезится очами
Пустота впереди равна
Пустоте за плечами.

МАГИЯ ЛУНЫ
Рисунок Андрея Стрелкова

Юджин Миткевич Новый Вавилон

Извините, - сказал живописец, - если мои краски бледны: в нашем городе нельзя достать лучших...

В.Ф.О.

Многое разрушается вокруг меня, но многое еще живет и мешает жить моим мыслям.

В.Ф.О.

Германа К., известного в нашем городе художника и давнего моего приятеля, я встретил прошлой зимой в дешевом кафе на первом этаже старого, выстроенного в виде уютного дома у вокзала. Полукруглый зал с высокими окнами, яркий свет от ламп без абажуров вызывали сравнение с аквариумом, тем более, что на полу было сыро - уже неделю таял первый снег. Германа я увидел за дальней стойкой, он пил кофе, склонившись над чашкой и обхватив ее ладонями так, что, казалось, не хотел потерять ни частицы тепла.

После приветствия я, испытывая некоторую неловкость - мы давно не виделись - стал сетовать на грязь в кафе, что, мол, вообще в районе вокзала не разберешь какое время года: всегда грязно и дымно.

- Наверное, ты прав, - отозвался Герман, но я здесь бываю часто, привык. Что хорошо, здесь никому ни до кого нет дела, все здесь мимоходом - кроме меня, дворников и торговцев папиросами.

Герман отодвинул чашку, вытащил из мятой пачки сигарету и закурил. В его движениях чувствовался устоявшийся и с удовольствием совершаемый ритуал. - Я здесь свободен, - продолжил он, - я брожу, рисую где-нибудь в подворотнях, пока не замерзну, потом иду сюда.

Движимый отчасти любопытством, отчасти вежливостью, я попросил было показать

Рисунок Вячеслава Мазурова

сегодняшний этюд, но Герман покачал головой. - Вещь не закончена, - сказал он, - а я, знаешь, стал суеверным. Лучше допивай кофе, и я покажу тебе сам вид.

Выйдя из кафе, мы обошли угол дома и оказались среди полуразрушенных строителем метрополитена старых двух-трехэтажных домов. Открывшийся вид производил странное и тревожное впечатление, ибо разрушения были сделаны с той бессмысленностью, которая несет на себе отпечаток изощренной фантазии.

Так, например, было обрушено полдома, и дверь в комнату вдруг оказывалась распахнутой в никуда на высоте второго этажа. В другом доме соседние комнаты, одна с голубыми, другая с лимонного цвета обоями наподобии декорации обнажали интерьер с одиноким стулом. Безлюдье и белизна снега еще более добавляли театральности открывающейся картине.

"Люди живут, люди проходят, разительные зрелища остаются в стороне, люди идут дальше, дальше - пока сами не обратятся в печальное зрелище." - всплыла в моей памяти фраза из любимого писателя.

Мы быстро замерзли и решили ненадолго вернуться в кафе. Там Герман достал из кармана пальто плоскую стеклянную фляжку и, с молчаливого моего согласия, плеснул в кофе дешевого отечественного коньяку. - Помогает согреться после этюдов, - пояснил он. Мы обсудили новости и вспомнили общих знакомых, при этом раза три доставалась фляжка, и беседа становилась все оживленнее.

- Ты знаешь, - вдруг сказал Герман, - есть еще причина, по которой я рисую в этих трущобах. Здесь уже нет жизни, а я стал замечать, что стоит мне что-то изобразить - и это исчезает.

Помнишь старый дом через дорогу от театра? Его снесли через месяц после того, как я закончил свой "Снегопад в городе". Потом перестроили кинотеатр на бульваре, сгорела деревянная станция на

Южной дороге... Ощущение такое, будто я навожу невидимую руку или, наоборот, мне подсовывают то, что уже обречено. - Я как-то подумал, - Герман придвинулся ближе - может, исчезает - за ненадобностью? Может, это все не нужно в нашем мире, раз появилось в избраженном? Может наш мир лишь эскиз для другого? Мне даже приснилось однажды: на заснеженных улицах и ледяных прудах пейзажей Брейгеля и Вельде женщины Вермеера разливают молоко, шьют, читают письма... ну, ты знаешь... Дома, мосты - все плоские, вырезанные из картин, а женщины живые...

Мы ехали в пустом трамвае, приятель мой молчал, смотрел в окно, потом я заметил, что он дремлет. Герман жил у трамвайного кольца, я не стал его будить и вышел на своей остановке.

С тех пор мы не виделись. События же последней нашей встречи припомнились мне недавно, когда я рассматривал альбом графики Дюрера. Я заметил примечание, в котором говорилось, что замок, изображенный Дюрером в 1496 году на заднем плане гравюры "Морское чудовище", вскоре после этого был разрушен и перестроен до неузнаваемости.

Фрагмент рисунка Александра Кобяка

Андрей Кавадеев

Античная азбука

Аристофан.

На пиру ему подали черную устрицу словно тело любимого Сына. У отца рождались девочки с оливковыми глазами. Король лягушек почтительно раскланивался на болоте. У комедии свои карапузы.

Боги прячутся в пчелах.

Боги прячутся в пчелах, забираясь мохнатой стайкой прямо в душу глюкозы. Сад Цветов и Пчелиный Улей - липовые потемки Афинских Таинств. Пчела Мистерии жалит душу Цветка Трагедии. Строение цветка - это божественная проекция Театрума: пестик - хор, пыльца - пепл лиц, пепельница, пепелище, тычинка - хаос единоначатия. Боги прячутся в пчелах.

Вино. Дионис.

Зевгсис-раб пил несмешанный херес. Свил гнездо в голове его полоз. Зевгсис пил. Полоз пел. Поднимаясь над ними в коричневой дымке, строил рожки и бил по копытцам Дионис. Виночерпию тесен Полис.

Гомерова чужь.

Пока не увидишь глаза Слепого, не проймет, не остудит троянский Отрок. Мир - это зрение. Битва - слепота степей. Между ними проходит Женщина, от Итаки до Трои Женщина, да певец-свитконосец шествует. Так легка на помине песенка.

Диоскуры. Близнецы.

Мужчина ластится к Мужчине, а получается Созвездье.

Елена.

Кротость - близкая крови наука. Стыд - понятие Змея - лукаво. Дал же Бог ей одежды из кожи, а она - мастерица по листьям. Пела Мужу, а вышло - по Мужу. Вышла в белом к чернорабочим. Солнце - дико, Эллада - вдовица, вместо виселицы - Илиада.

Жажда аттическая.

Ручьи текли от звезд. Молоко лучших стад. Мед лучших ос. Вино бродило как Призрак, пугая Разум. И все-таки не хватило. Потрескался рот Перикла, песок в голове Гомера, муравьи у Пиндара в горле. Жажда сильнее Мира.

Злоба аттическая.

Разорванный левиафан - персидский воин. Перикла маленький кулак как гром огромен. Как бой тарелок - все потом. Лишь у Комедии не отнимается язык. Лишь у Трагедии не слабнет зренье. Бес непритворства - синих зол доил. Не объясняется прорыв аорты.

Иктион.

Если Богу дана колесница - он в нее запрягает Солнце. Если Бесу дана колесница - он в нее запрягает Героя. Этим, кажется, дышит Эпос.

Камя.

Камя - электричество Афин. Подспудный свет, сочельник камня, рождество его надбровных дуг. Так, уходя под каменную кровлю, скатался мякиш - грубошерстый хлеб - вся наша трапеза на уходящий день.

Леонид Львиное Сердце.

Победитель Числа - зоркого волка. Лев победил Число. Число - всегда враг Героя. Легион (число) - имя Бесу. Леонид - имя Ангелу. Со сверкающим мечом отстоять ущелье, чтобы враг разучился считать. Леонид победил легион. Лев победил волка. Так сбывалось задолго.

Мрак Аидов.

Чернота, как платье Ниобеи. Чернота, как веки Парсефоны. Чернота, как голос Эвридики. Как запах нефти, как руды прикосновение - первоисточник Ночи, перевод чумы. И вот когда отказывает зренье - чтоб только чувствовать, чтоб горе горевать, чтоб быть всецело, всеподвижно, всесердечно - чтоб всенебыть.

Немесиды.

Античное Солнце восходит с мечом. Лучезарный, лучистый - синонимы оружейной лавки. Яркий, приветливый - имена щитов. Немесиды, немесис - женщина-меченосец - второе имя каждой женщины. Судьба, судьбина - русская ее сестра - меченосица, знающая толк в восходящем Солнце.

Орда персидская.

Ксеркс - каштановый конюх, лошади, измеряющий Красоту в силе конского храпа и в золоте конского крепа. Азиат, миллионщик, оборвыш, дикий маугли Востока, он принял прекрасномудрое море Аттики за бока и бабки хитрой студеной лошади. И пока он бичевал морскую кожу дикарки степей, все отборное смуглое стадо его - кинулось к обрыву, к молочной сестре, самой непокорной.

Пиндар поет.

Нежнее, чем мать. Богаче, чем мот. Солонее, чем пот. Песня растет, как глина, и кружится, и любитесь рукой поющего ее, и мокра от слез его - и делается как кувшин тверда, и разбивается как кувшин - на миллионы глиняных нот. Пиндар поет.

Ромул-волчонок.

Рим - волчья молоко. Подмена Имени - Ромул - подмена вымени. Кормилица, которую не звали, воздвигла Город. А за ним - Страну. И вот на губах моих волчьих капли, и я вновь лишаюсь Имени в угоду первому: Ромул, Рим. Молоко, которым все вокруг вымокло. Чтоб любить Отчизну, вспомни о кляках своей Матери.

Сивиллы.

Говорила Дева Деве: мне известно все, что будет, как Коклес тебя прославит, как Катон напишет Книгу, где пройдут границы Рима, кто родится в Вифлееме, с чем придут германцы к Папе, слезы чьи прольются в Реймсе. Деве Дева отвечала: запиши хоть - бесполезно, закопай хоть - вынут землю, растолкуй хоть - всех обманет.

Тацитус.

Имеющий уши родной. Звук битвы пролегал в ухо рассказчика, как шмелиный рев из палисадника. Построить Ухо, чтобы услышать Эхо - вот что такое Душа Историки. Анналы - беспроволочный

телеграф Истории, синь, синева, глубокий изнеженный воздух между Ухом и Эхом.

Умбры.

Если бы почва умела ходить, где было бы Небо? Если бы народы не исчезали, где были бы Боги?

Филипп убиенный.

Только убив родного. Мир открывается отцеубийцам. За Душу Отца - глобус. За Тело Его - глобус. За Сердце Его - глобус. География - наука отцеубийца. Путешествующие по глобусу - где схоронили вы Сердце Родного? Индия. Хождение за три моря блудных сынов. Только убив Родного.

Хор идет.

На цыпочках. Желтые цыплята трагедий, тонконогие бройлеры Полиса, они освежали трагедию своим отчаянным детством. Детство стояло за спиной Трагедии, как нищенка с пустою горстью. И это называется Танец. Танец - вылупившийся, голодный, с сухим тополинным криком, смотрит ясноголовым беспризорником из всех трагедий Еврипида. И нет ему сыта. И нет ему сына. Потому что Детство - лишь декорация Трагедии.

Циники.

Царь загородил Мудрецу Солнце. И прожег себе Сердце.

Чаша Учителя.

Когда Слава Ученика переполняет Чашу Учителя. Когда Чаша синоним Речи. Когда Слава синоним Сечи. Он томился, как Тот в Саду, перед Чашей Своей - томился, перед Славой Своей - томился. И никто не узнал Родного.

Эрот.

Чудесный Мальчик послабил шелковую швею, чудесная змейка прошла по Талии, освобождая ее от стежки живучего девичества. Танец.

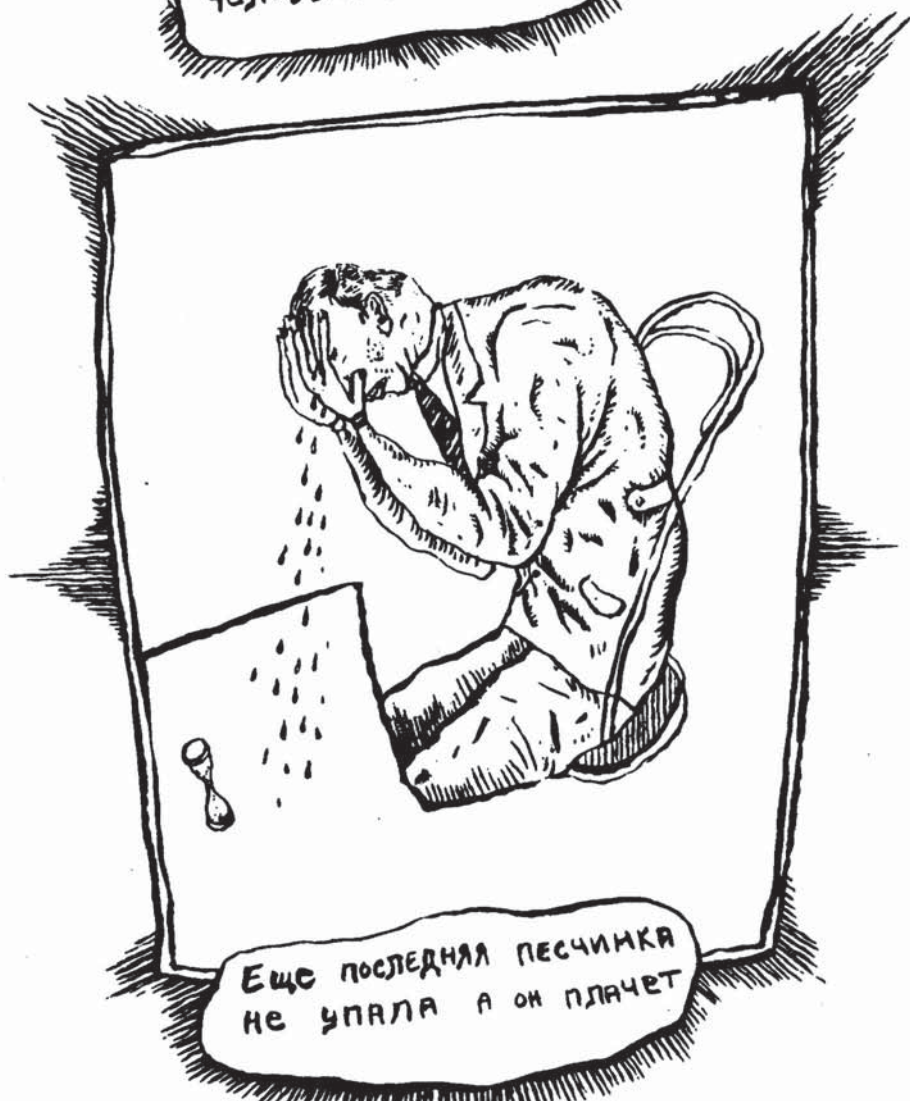
Ясон-мореплаватель.

Как лист крапивы - безвестный в Саду, лист необычайной лени. Кисть его - горячая, ровная, вместо перспективы - чистая, розовая боль. Рисует золотом по коже, переукрашивая ее в цвет грузинского кругосвета. Ясона сон.

ЧЕЛОВЕЧЕК ПЛАЧЕТ

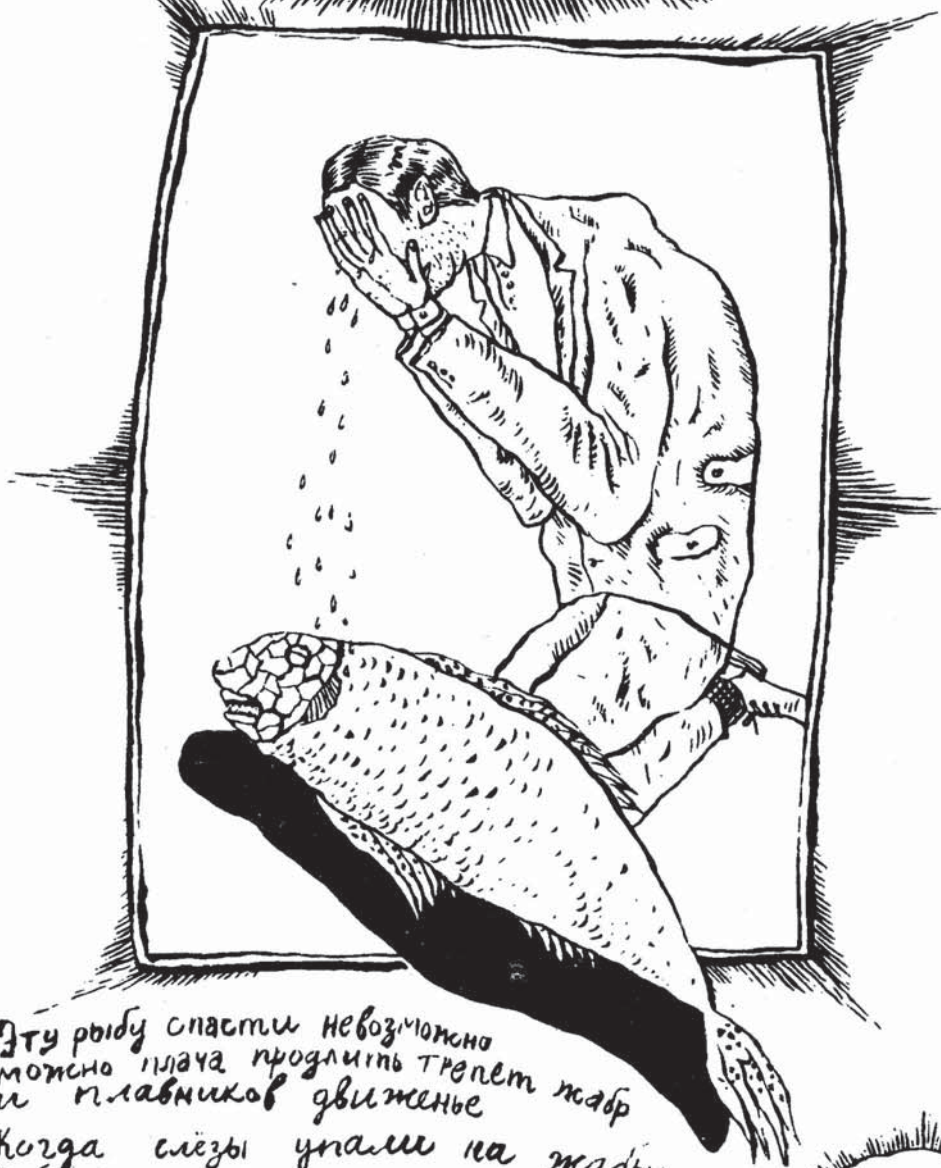
Еще последняя песчинка
не упала а он плачет

Чего ты плачешь
человечек
рано плакать-то
дружок

Ты не водолазик
не какой-нибудь
несчастный
колобок

ЧЕЛОВЕЧЕК ПЛАЧУ
СПАСАЕТ ЖИЗНЬ
РЫБЕ

Эту рыбу спасти невозможно
можно плача продлить трепет жабр
и плавников движение
когда слезы упали на жабры
рыба открыла глаз

А там на холмах
за простертой водой
реку младую полюбил водолаз
и приглашает с собой.

КРИСТАЛЬНОЕ

Смерть это беретел
жизнь бледное подобие
а птица серая стриж
крыльями завертела

Животное носорог бежит по нитке утка
пасть разевая

Это всё что я хотела сказать
моя фамилия Зюба Рая
отец стрелогник
два года до пенсии

Андрей Кутерницкий

Окно

В пасмурный ветреный день, в сквозном между двумя шумными улицами сквере, на скамье с неудобной спинкой - верхняя жердь углом выступала вперед и больно врезалась в позвоночник - стесняясь прохожих, выбирая моменты, когда среди редких неохватных тополей, голых, черноствольных, обозреваемый им изгиб аллеи оставался пустым, он крупными горячими глотками одолел бутылку вина.

Он пил, чтобы заглушить тревогу, боязнь, что окно больше не ответит ему.

Но когда спустя четверть часа он вошел в вагон метро, и тысячепудовое нагромождение сверкающего мрамора глухо завывало, улюлюкая десятками одинаковых пошлых арок, а вагон, кренясь, начал погружаться в черноту, он увидел, что его собственное отражение в дверном стекле, за которым неслись прикрепленные к стене туннеля провода, получило иной смысл. Их стало двое: он, стоящий перед дверью, и тот, что темнел в стекле. И сейчас же исчез железный грохот колес, толща земли над поездом и, главное, число 1989 - пятнадцать лет назад совокупность этих цифр на календаре чрезвычайно удивила бы его - слишком далекое будущее! Единственным, что находилось снаружи этого нового состояния раздвоения и как бы продолжало жить прежней непрзрачной жизнью, была его рука, напряженная в кисти и локте, которой он крепко держался за поручень.

"Именно та доза, - сказал он себе с удовлетворением. - Больше стало бы лишним".

Нельзя было допустить, чтобы окно не ответило ему. Он знал: если оно не ответит один раз, оно не ответит никогда. Оно кончится, как колодец, из которого вычерпали всю воду. Разница только в том, что новая вода не наберется. Поэтому нельзя прийти к нему с тоской, тогда не было тоски - будущее способен увидеть светлый взгляд, темный не проникает сквозь годы.

Но она... Что же такое была она? Ибо теперь ее нет нигде, кроме этого окна.

Главный вопрос был в том, что он станет делать здесь, в этом городе, если окно не ответит, если оно, наконец, кончится, перестанет отвечать, что делать с

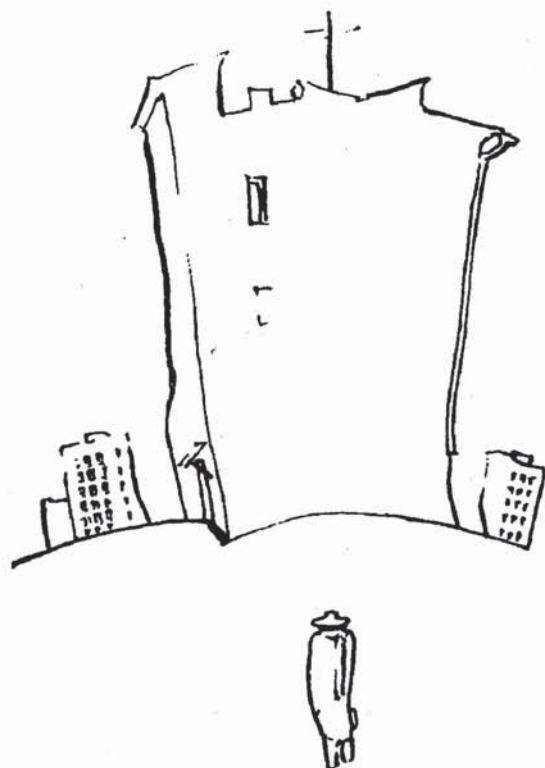

Рисунок Дмитрия Иудина

квартирой, мастерской, с гранитными набережными и золотыми куполами, с этой яркой и тяжелой по весне рекой, дробящей город на бесчисленные острова, что делать с улицами, на которых когда-то жил, мостами, на которых ждал свиданий, с которых можно было увидеть так далеко, словно бегущая вода подхватывала взгляд и уносила его с собой - вдох! - что делать с кладбищами, где похоронены те, кто был прежде рядом, чье дыхание сливалось и с его дыханием, чьи голоса он вдруг слышит и теперь, что делать с суетными перекрестками, иконами в соборах, перед которыми он любил ставить зажженные свечи, с телефонами квартир, которых теперь нет, а мозг все хранит их, как странные коды, шифры тайников, в которых ничего не осталось, что делать со всем тем, что было, и что, благодаря окну, еще есть?

Однако теперь он всегда приезжал к окну "навеселе"...

Он разлюбил рассветы. Он прежде любил ранние утра, даже зимние, мглистые, когда в комнате холодно, а в мансарде в мастерской замерзала вода, и холсты звонко блестели, даже эти темные зимние утра он любил, но теперь все чаще он просыпался с нежеланием пробудиться, с какой-то неповоротливой дремучей тяжестью на душе, когда еще при закрытых глазах являлось сознание оконченности жизни. Это не было предчувствием смерти или рокового события, но ощущение совершенно другое... Быть может, она чувствовала тогда то же самое? А он и не подозревал, что это так больно. В конце концов, он знал, что смерть не скоро придет к нему, сорок лет - это центр жизни, и как бы круто ни поворачивала дорога, какие бы отчаянные спуски и подъемы ни открывались взору, дорога эта не кончится, еще рано, еще не подошла пора - он был уверен, кто-то свыше подскажет ему срок, предупредит заранее, чтобы можно было подготовиться, но пока он не слышал этого голоса. И не было предчувствия услышать завтра.

Но это странное болезненное состояние задержалось слишком надолго.

Усилием воли он прогнал мысли - он должен стать пустым.

Было две подворотни: одна с улицы во внутренний узкий двор, в любое время дня темный и в любое время года пахнущий сыростью, вторая - со двора на пустырь.

Из окна открывался вид на пустырь, и

хотя далее опять разновысоко и разновелико возвышались дома, он любил смотреть на пустырь - свободное это пространство никак не освещалось, и ночами из окна можно было видеть звезды.

Когда своды подворотен сквозняком загудели над его головой, он попытался замедлить шаги и пошел быстрее.

Дом был громаден; украшенный по фасаду колоннами, балконами и лепными орнаментами, с тыла он выглядел угрюмым, подавлял могуществом высочайшей глухой стены, в которой асимметрично и как-то нелепо, лишь по одной левой стороне, начиная со второго этажа, уходил вверх единственный ряд больших прямоугольных окон.

Обернувшись к ним, он увидел, как светлый поток холодного ветра ударил в плоскость оконного стекла...

Мальчишки жгли костер, и лица их в черноте ночи алели.

Он сморгнул выбитую ветром слезу.

Бережно взгляд его оторгнул от себя обожженное ветром окно и полетел вверх, за этажом этаж, выше, стремительнее...

Ему пришлось запрокинуть назад голову и рукою придержать широкополую фетровую шляпу.

Небо было серым, но плывущие облака делали его недостижимо далеким, ибо сам плотный небосвод находился много выше этих низких, быстро движущихся облаков.

Здесь, за толстой кирпичной стеной, в комнате, где заваленный рисунками, красками и посудой стол, низкая кровать и шкаф с книгами составляли все его имущество, пятнадцать лет назад, без складок возле губ и усталости в лишенных блеска очах, без темных полукружий под ними, юная, с освобожденными от шпилек волосами, пышным покровом сокрывающими острые ее лопатки, волосами тяжелыми и такими густыми, что, когда она причесывалась, зубья расчески с треском ломались, и после ее уходов он находил их на полу, в самой сердцевине гаснущего осеннего дня она неподвижно сидела на крае кровати, не стесняясь своей наготы, и в этой ее неожиданной смелости, первой за время их знакомства, открылась для него ее красота. Она доверяла ему свою судьбу; понятие женщина стало равным понятию жизнь. Накрыв колени углом одеяла, что еще яснее высветило

в полутьме трепетную белизну ее груди, положив на одеяло кисти рук, она сидела, поставив босые ступни на ледяной паркет - и исподлобья смотрела на картину, блестящую на стене, цветы в духе Матисса, а он лежал на кровати рядом с нею, сидящей, заложив одну руку за голову, а пальцами другой поглаживая гладкую кожу ее живота, скользя по нему подушечками пальцев, пересекая тени и полутени, вслушиваясь в токи ее жизни, перетекавшей при этих нежнейших легчайших прикосновениях в его пальцы, и понимал, что теперешнее мгновение - лучшее в его жизни, что лучше, чем теперь, быть уже не может, потому что теперешнее мгновение - совершенное счастье. Был ли в жизни его момент более яркий, чем тот, когда так ясно он понял: никто не властен лишить его надежды стать великим?

- Ты меня любишь? - спросила она. Ее глаза на повернутом в полупрофиль лице осветились...

"Она меня видит, - подумал он. - Им видно все. Они лежат на стекле неба и смотрят вниз".

Двигались облака. Огромный дом стремился к небу, пытался оторваться от земной тверди, стать легким, но не мог оторваться, и, страдая, силясь, тянул за собой и саму твердь, и весь город с несметной тяжестью камня, металла, воды... Как хотелось ему навсегда унести свою богатую добычу - ее лицо и ту хрупкую тишину в полутемной вечерней комнате.

А он стоял под окном у величайшей из глухих стен, и взгляд его не отпускал в небо страдающий дом.

Лицо человека...

Случались лишь редкие мгновения восторженного, буйного чувства, когда ему казалось, что разгадает эту загадку - на холсте появлялось лицо, которое смотрело. Но это были только мгновения.

Он отрок был еще, когда впервые его восхитила тайна человеческих глаз. Это произошло случайно. Была школьная игра - гляделки: неотрывно смотреть в глаза друг другу. Кто не выдержит - проигрывал. Играли мальчики с девочками. Она и он сели на два стоящих рядом стула, сблизили лица. И вдруг он почувствовал сильное волнение - он то становился меньше, весь уходя в ее глаза, то больше, пропуская ее в свои. Ее глаза потеряли очертания, углубились... "Она - не я!" -

понял он. И увидел ту пропасть, которая разделяла их. "Моргнул!" - закричала она. Классная комната наполнилась хохотом, кто-то вlepил ему по затылку щелчок, но он даже не заметил, кто это сделал, он встал со стула ошеломленный, подавленный своим открытием и, нервно улыбаясь, забыв в парте тетради и учебники, с пустым портфелем побрел... куда? А он и не знал, куда ему идти. Он видел только одно: все погибло, каждый навечно одинок.

Однако, познал он и иное. И в этом была новая надежда: взгляд не имеет ни начала, ни конца.

Он шел по снегу, отходил от стены все дальше...

Он видел спиной, как дом позади него растет вширь и ввысь, увеличивается над ним полоса неба, и появляются по сторонам дома-соседи, серый и бледно-кофейный, хорошо застекленные, без глухих стен, и от наличия рядом множества сверкающих окон глухая стена станет еще глуше, она будет видна вся в одном взгляде, и небо над ней высветлится, а земля внизу отяжелеет и обретет выпуклость - корпуса будут стоять на поверхности шара, это станет видно после ста двадцати шагов от стены, он когда-то сосчитал их, и окно издали увидится иным, оно уменьшится, но от этого еще цепче, еще надежнее будет прятать в себе ее голос, блеск ее волос, движение глаз. И все это покажется как бы замурованным в веществе дома. Со ста сорока шагов откроется рельеф крыши, дымовые трубы, телевизионные антенны. Со ста пятидесяти - наружный стеклянный лифт. Какие бывают в жизни странности! Необъяснимые странности! Зачем он сосчитал шаги, какой был в том смысл? Но ведь сосчитал и запомнил числа. Стало быть, в тот момент это имело для него значение. Быть может, он хотел зафиксировать картинку, навсегда записать в глубине мозга точную ее топографию? Но он не топограф. Он художник. У него иная память. Зачем ему цифры? Память хранит переливы света, изгибы линий. Да и не это! Биение вены под пальцами, вкус влажных губ. И даже больше: предчувствия, предвидения, радость и страх. Но он сосчитал шаги.

Он дошел до домов, ограждавших пустырь с другой стороны, остановился недалеко от бетонных автомобильных гаражей. Крепкий смуглый парень, одетый в лимонную куртку, стоял возле синей машины и, нажимая ногой педаль насоса, накачивал колесо. Сочетание синего и

лимонного казалось привнесенным сюда из другого, летнего пейзажа.

Он сел на поломанный ящик.

Дом был виден весь.

Из глубины подворотни, каркая, хрипя, словно большая толстая ворона, вылетела дворничиха в тулупе, схватила стоявшую у стены деревянную лопату и, размахивая руками-крыльями, умчалась обратно.

"Разве я прихожу сюда за прошлым?" - подумал он.

Он потер лицо ладонью, стараясь этим прикосновением избавиться от смятения чувств.

Ясность вопроса встревожила его.

Почему именно это окно, эта комната, нет, эта женщина заняли такое место в его судьбе? Что не может он перенести отсюда в свой крепкий, удобный, не бедствующий дом? И не ее ли жизнь все еще продолжается за этими горящими в ветру стеклами?

Как много произошло, настало, случилось после этого окна, но вся последующая жизнь была лишена какой-то очень важной краски, в ней что-то не звучало, не блистало, и когда он оказывался один в темноте ночи, с ним начинало происходить странное - мальчишки жгли костер, и лица их в черноте ночи алели... Как будто жизнь его остановилась в этой точке пространства в ту самую ночь, после которой прошли десятки тысяч лет, миллионы ночей. И надежды на счастье нет.

"Каяться тянет!" - подумал он.

Дом пошатнулся, накрылся мглой...

"Однако, в чем мне каяться? - сейчас же спросил он себя. - Другие женщины становились более тяжкими грехами в моей жизни, но меня никогда не тянуло обратно к ним. Психическая болезнь, которой она потом заболела?"

Он встал, пошел через пустырь к подворотне.

"Странен этот год, - подумал он. - Весна прошла... Будто не было весны".

Накрыв колени углом одеяла, что еще яснее высветило в полутьме близину ее груди, она сидела на крае кровати, поставив босые ступни на ледяной паркет.

"Зачем тебе моя любовь?" - вот что ответил он ей, когда глаза ее на повернутом к нему в полупрофиль лице осветились.

Он услышал эту свою фразу как бы с небольшим опозданием, через некоторое время после того, как произнес, и, смутившись своих слов, раздумывая, правильно ли он ответил, тут же привлек ее за руку к себе и с облегчением понял: ничего исправить нельзя.

В поднебесье между серым небосводом и облаками плыл по тонкому ажурному мосту длинный пассажирский поезд, и летели один за другим горячие сверкающие вагоны, и она сидела у окна, печально улыбаясь, положив неподвижные руки на исцарапанный пластиковый стол, а за окном клубились облака...

И опять загудел над ним тяжелый свод подворотни.

Он вошел в узкий пятигранный двор. Двор-колодец. Двор-шахту.

Темные стены с окнами, никогда не видевшими солнца, окружили его.

Звонко отворилась сверху форточка, и голая рука вывесила наружу новогоднюю елку макушкой вниз.

"Да разве можно жить в таких домах, проживать в них целые жизни, любить, есть, спать, умирать? - подумал он. - А я прихожу сюда за счастьем. Ничьей вины нет. Есть только преодоление боли уходящей жизни".

Когда спустя семь лет он узнал, что она погибла в железнодорожной катастрофе, он не испытал никакой боли, он сказал: у каждого своя судьба. И странным было только одно - что ее нет в этом городе. Как будто не он, а город что-то потерял, чего-то лишился с ее гибелью.

Перед ним возникла улица, полная движения и звуков.

Чадя гарью, катили автобусы, хлопал талый снег; обилие множества человеческих жизней, объединенных сумрачным предвечерем, усталостью, голодом, спешкой, очередями на остановках и у газетных киосков - вернуло ему число 1989.

Несколько минут он стоял на тротуаре возле дома, вслушиваясь в шум улицы.

Самое шальное было то, что он всякий

раз ждал ее!

"Мною дар отвергнутый..." - мелькнуло в его сознании.

Но в каком краю горизонта полыхнула эта молния? Каково было ее начертание? Нет, он не успел различить. Увидел лишь ясный свет.

И вдруг он быстро пошел назад в подворотню, толкнул тяжелую входную дверь.

Крутая петербургская лестница вознесла его на третий этаж.

Часто, звонко стучало его сердце.

Он надавил кнопку электрического звонка...

Накрыв колени углом одеяла, она сидела на крае кровати, поставив босые ступни на ледяной паркет.

"Вот оно счастье! - почувствовал он. - Высшее!"

И вдруг светлое стало темным.

"Вершина..." - испугался он.

И, ощущая рядом волнительное таинство ее жизни, чувствуя, как эта жизнь доверчиво тянется к нему, перетекает в него, он умертвил в себе эту жизнь, он заставил себя думать - и тут же поверил в это - что это еще не вершинное, не главное счастье в его судьбе, что главное не могло прийти к нему так неприметно и так рано, и нельзя сейчас занимать его место, ибо оно придет потом, еще большее, сильнее. Ненасытная жажда получить это богатство завладела им!

И сейчас же он увидел множество домов, не похожих на этот, и множество вечерних комнат, как кладези, таящие новизну счастья.

По ту сторону двери зашаркали шаги.

Радостная, томительная тревога охватила его. Она окружила тело, как зимняя вода в полынье, от прикосновения которой сжимается сердце, и перехватывает дыхание. С усилием он сделал глубокий вдох.

Дверь медленно потекла, открывая доступ теплу пятнадцатилетней давности.

В темной раме коридора, освещенная слабой лампочкой, перед ним стояла

старуха в малиновом халате, спущенных до щиколоток шерстяных чулках и войлочных тапках, крупноглазая, горбоносая, с овальным детским подбородком. И вся она мелко тряслась. Тряслись ее узловатые руки, наклоненная набок голова, пряди седых волос.

Лицо у нее было коричнево-серебристое.

Он заглянул в ее огненные глаза и сразу понял, что черно-золотой свет исходит из них от смерти, которая уже в ней.

"А была вечная.." - отметил он для себя и, сняв шляпу, поклонился: - Здравствуйте, Ева Соломонна! - Здравствуйте... - тихим, чуть звенящим голосом ответила старуха, всматриваясь в него и щуря выпуклые лягушачьи веки. - Вы не узнаете меня? Она сказала: - Нет. - Я здесь жил. - Он кивнул в призрачную глубину коридора. - Художник. Угловая комната.

Она молчала.

- Это было давно, - пояснил он. - Художник жил давно, - ответила она. - Так правда.

Трясущаяся ее голова перекатилась на другое плечо. - Так правда, - повторила она, продолжая с другого ракурса все так же бессмысленно разглядывать его сверкающими черными глазами. - Это - я, - сказал он. - Вспомните, Ева Соломонна!

Вдруг стало ему досадно от мысли, что он не оставил следа в ее памяти. Еще в раннюю юность почувствовал он потребность, чтобы люди знали о нем, знали все то, что им пережито и постигнуто, ибо все то, что им пережито и постигнуто, представлялось ему ценностью, должной принадлежать всему человечеству. Каждый должен был сохранить о нем память. И вот она - забыла. Впрочем, старуха уже с трудом различала краски этого мира, и ее мало заботили тени, блуждающие под этим солнцем. Но обрадовало его другое: страха в ней не было - он это сразу увидел. А прежде была мнительна, так тщательно мыла фрукты.

- Я хочу посмотреть комнату, в которой жил, - сказал он.

Старуха посторонилась.

Он шагнул в квартиру, и стены коридора сомкнулись позади него.

Оглушающе близкие, пахнущие скипидаром, жидкостью от тараканов, дешевым вином, несущие в себе запахи кислых

щей, чудовищных одеколонов, газа, подгорелых сковородок и невыколоченных половиков, звуки фортепьяно зашелестели у его висков... - сладкий ветер ушедшего вернулся на круги своя.

Как он мог забыть! Он называл ее Великая Бездарность - ее имя навсегда осталось в тайне. Она поселилась выше этажом. Программа была одна: бесстыдно-развратный собачий вальс, танец маленьких лебедей из балета Чайковского "Лебединое озеро" и партийный гимн "Интернационал". За долгие месяцы к этой программе не прибавилось ни одной новой пьесы, ни одного нового пассажа. Все исполнялось одинаково громко, в бешеном темпе и подряд, без остановки. Никогда нельзя было угадать, в какое время дня или ночи вдруг посыпятся на голову грохочущие камнепады: звук. Какую тоску, какой дурман вытряхивала из себя в такие минуты эта вечная чужая душа? Для чего нужно было ей вдруг поднять крышку инструмента и промчаться по клавишам неистовой лошадиной поступью?

- На лестницу дверь открыта! Вот откуда сквозит!

Шелестенье звуков смолкло.

- Ева Соломонна, вы опять открываете без нашего позволения!

Быстрыми энергичными шагами одолевая перспективу коридора, щелкая тапками по голым пяткам, из сумрачной неподвижности электрического света выявилась крепкая средних лет женщина с тюрбаном из махрового полотенца на голове и в фиолетовом банном халате. Полы халата при каждом ее шаге распахивались, открывая белые ляжки.

- Дадут вам когда-нибудь по башке молотком, а всех нас обокрадут!

Старуха стояла не двигаясь, но ни один мускул не дрогнул на ее темном себристистом лице.

- Вам кто нужен? - спросила женщина, оценивающим взглядом охватив его с головы до ног; глаза ее задержались на его шляпе, которую он держал за край поля. Шляпа возмутила ее - зимой приличному человеку на севере уместнее носить хорошую меховую шапку, а не фетровую шляпу, тем более такую широкополую.

- Здравствуйте, - сказал он. - Я в этой квартире жил. Вы вселились позже,

поэтому меня не знаете. Я хотел бы увидеть свою комнату. - То есть желаете снова переехать сюда? - Нет, я хочу только увидеть. - Но мы должны знать, ради каких целей. - Это нельзя объяснить, - сказал он. Шляпа медленно вращалась в его нервных пальцах, и он увидел, что женщина продолжает наблюдать за шляпой. - И как это смотреть чужую комнату, в которой больше не живешь! - сказала она. - Я был здесь счастлив, - промолвил он тихо. - Вот причина. Женщина переспросила: - Счастлив? Здесь?

И вдруг поняла, о чем он просит, потому что напряжение стелело с ее красного распаренного лица.

Не ответив, она пошла по коридору, шла долго, все дальше, уменьшаясь ростом. - Георгий! - закричала она.

"Будет все другое, - сказал он себе. - Обои, вещи, люстра под потолком, и чужой запах, и чужие чашки на столе, и чужая кровать, застеленная чужим покрывалом... Как я войду?"

Коридорная лампочка покачалась от ударов его сердца.

- Георгий! Ты дома? - еще раз крикнула женщина в фиолетовом халате и постучала в дверь. - Нет, - поспешно произнес он. - Не эта комната. Я жил в угловой. Женщина сказала удивленно: - Там квартирная кладовка.

Не спеша, улыбаясь, он проплыл всю бесконечность коридора...

Где прежде была дверь, его встретил пустой проем.

Он проник в этот свободный проем, барахтаясь, захлебываясь, стал пробираться в лабиринте сундуков, коробок, велосипедов, между чемоданами, детскими колясками, лыжами, даже старая газовая плита и фотоувеличитель были здесь, между эмалированными ведрами, ванночками, поломанными стульями, заштопанными матрацами, перевязанными бичевкой раскладушками - к окну, к взгляду на пустырь, к мальчишкам, которые жгли костер, и лица их в черноте ночи алели...

И осветилось перед ним окно.

Он посмотрел вниз и увидел себя, стоящего у самой величайшей из всех глухих стен. А вокруг белел снег.

ВОСТОК-ЗАПАД

С доктором философии В.В.Малявиным

беседуют сотрудники альманаха Михаил Погарский и Андрей Стрелков

М.П.: Может быть, начать с такого вопроса: у нас, в западной традиции, существует большой интерес к Востоку, есть ли с восточной стороны такой интерес, обогащается ли восточная традиция за счет западной культуры?

- Этот вопрос очень интересен. Мы мало задумываемся над тем, каким образом восточные люди смотрят на нас. Я придерживаюсь той точки зрения (она подтверждается и бытовыми наблюдениями, а также вытекает и из моих общих представлений о том, что такое Запад и что такое Восток), что только на Западе существует реальное тяготение к Востоку. Для Востока Запада не существует, если не считать некоторых естественно текущих заимствований, вызванных чисто житейскими практическими потребностями, как то: заимствование технических достижений Запада или его идеологических систем, которые должны оправдать те или иные действия людей, добивающихся власти на Востоке и так далее. А вот по существу своему, мне кажется, этого интереса нет.

Может быть глубинное, хотя звучащее слишком упрощенно, объяснение состоит в том, что Запад как бы принципиально стоит на самоограничении человеческого "Я". Западная философия началась тогда, когда человеческое сознание задумалось над своим содержанием, над тем, кто есть вот это "Я". Замечу, что такого вопроса вообще не существует для восточной традиции, где в общем-то и не было философии, а была мудрость. Мудрость, которая, в отличие от философии, и состоит в том, чтобы не задавать себе таких вопросов, ибо границы человеческого "Я" принципиально неопределимы во всяком случае. Просветленное сознание не умеет определить себя, следовательно, оно не может быть тем субъектом, эмпирическим или трансцендентальным, трансцендентальным прежде всего, субъектом классической западной философии, которая постулировала бы существование объекта и занималась его изучением, вот этого нет, раз нет этого, раз границы между "Я" и миром не существуют принципиально, даже внутренне, она, граница, подвижна, зыбка и иллюзорна в сущности, то не может быть того всего культурного и идеологического комплекса, которые вытекают из позиции, занятой западным сознанием. А именно, комплекса какого рода?

Вот, например, на Востоке существует очень мощный пласт эротической ли-

тературы, но вы совершенно не встретите: в Китае, в частности, правда, в отличие от Китая, в Японии это есть, но в Китае и Индии вы не встретите описания садо-мазохистского комплекса, вы совершенно не встретите сцен насилия, оно исключено. Видимо потому, что этот садо-мазохистский комплекс связан, а мы это можем и априори сказать, с основными философскими посылками западной традиции и состоит именно в том, что в нем мы наблюдаем выражение разъяренности неудовлетворенного "Я", не могущего постичь объекта, который само же "Я" постулирует. Изнеможение бессильного духа, который создает себе же объект и пытается затем обладать им и создает невозможность этого, и порождает такого рода вещи. Ну, это просто для примера.

Вообще, надо сказать, что на Востоке парадигма существования - это сон. Западный человек, философ обязательно должен быть в ясном уме и трезвой памяти, он не может просто быть кем бы то ни было, а в восточных религиях, таких, как буддизм, даосизм, например, человек несет на себе ответственность и за грех, совершенный во сне. Не важно, кто его совершил, важно, что было совершено это действие. И мы легко можем понять, что это вполне разумное объяснение. Возьмите стихотворение Гумилева "Память", где он говорит:

Только змеи сбрасывают кожи, Чтоб душа старела и росла, Мы, увы, со змеями не схожи, Мы меняем души, не тела.

Это не западный, в любом понимании подход, а восточный, и мальчик, которого он видит, это не он, хотя по каким-то общепринятым понятиям и с точки зрения христианского понятия о душе это именно он, а не кто-либо другой... Существует, конечно, понятие внутренней приемственности "Я", которое может иметь место, это вопрос чрезвычайно тонкий, но во всяком случае отождествлять внутреннюю субъективность с эмпирическим "Я" ни в коем случае нельзя. Мы делаем часто эту ошибку, более того, западная цивилизация, именно как цивилизация, а не как духовная традиция, стоит на этом. Отсюда и весь этот сумбур, дезорганизация и культ насилия, который мы наблюдаем на Западе. И происходит это потому, что агрессивность имеет внутренние истоки в человеке и вырастает она из этого прочного ошибочного самоотожествления человека с неким эмпирическим "Я", тогда как человек сам по

себе может быть универсумом, то есть как бы космичным.

Для китайцев человек и хаос - это явления одного порядка, хотя они и не утверждают, что человек - это хаос, такое утверждение было бы неверным, это был бы такой же догматизм, как и обратное утверждение, что человек - только уж человек и ничего другого. Нет, и то, и другое догматично, как всякая попытка искусственно выделить привилегированный образ человека, это чревато идеологическим догматизмом, выражающимся затем в тех или иных духовных институтах, в церкви, например, и в религиозных традициях, или затем в обмирщенных формах этих традиций, какими являются, скажем, фашизм или большевизм.

А.В.: - Здесь возникает такой естественный вопрос: получается, что западной цивилизации как-то изначально присуща вот эта неудовлетворенность, негармоничность и некий надрыв в поиске...

- Ну естественно. Возьмите: западный человек - это Фауст, т.е. человек, сжигаемый жадной знания, или Прометей, может быть, более благородный. Миф о Прометее, который крадет огонь у богов, дает его людям, чтобы им было хорошо, и за это страдает. Тут драма западного человека вся есть. Фауст ведь то же самое, Дон Жуан то же самое, это предтеча де Сада в определенном смысле. Неверно думать, что Дон Жуан - бабник, нет, он не бабник, как раз, он ненавидит женщин, он соблазняет их специально, чтобы унижить. А за этим стоит его неудовлетворенное "Я", он ненавидит самого себя прежде всего.

А.С.: - Вторая половина моего вопроса: это было бы слишком просто и уже напрашивается приписать восточной культуре гармоничность...

- Я этого не говорю.

А.С.: - Да здесь, собственно, неудовлетворенность Запада за счет самой постановки задачи, на Востоке этого нет, по-видимому, там есть какие-то свои очень сложные проблемы?

- Разумеется. Я не успел ответить на первый вопрос. Я еще ничего не сказал о Востоке. Чтобы закончить с Западом: Фридрих Ницше - отличный пример того, как западный человек на самом деле выражал истину, на мой взгляд, восточную (это вопрос сложный, но я убежден в том, что это внезапный всплеск, прорыв восточного начала в Западной цивилизации) - так вот, Фридрих Ницше сходит с ума. Он просто оказывается неспо-

собным выдержать собственное бремя бессознательного тяготения к Востоку. В Заратустре, например, который в общем довлеет над европейцами. Это такого рода своеобразное проклятие. Что касается восточных людей, я должен вам вот что сказать: мне приходилось долгое время жить на Востоке - я востоковед по образованию. Был я подолгу в Японии, в Китае, хорошо знаком со многими японцами и китайцами. И я до сих пор не могу привыкнуть к тому, что они абсолютно равнодушны к содержанию духовной жизни западного человека. Не могу сказать, что все. Есть поверхностное любопытство, конечно, особенно у женщин. Всем нам известно: хорошо побывать в Папуасии, но допущения того, что они могут всерьез чему-то научиться в жизни, нет. Это фантастически звучит для нас, но это так. Может, я выдаю тут секреты, о которых сами восточные люди не любят говорить.

А.С.: - Это не рудимент деления всего мира на срединное царство и варваров?

- Нет, это не обязательно так. Дело в другом. Можно объяснить, правда, довольно поверхностно, что для восточных людей существуют великие мудрецы, которые все поняли в человеческом сердце. Конфуций, допустим, Лао цзы. Они великие, они очень великие. Они сказали все. А что именно они сказали? Они мудры. В чем состоит мудрость в отличии от философии? Философ стремится познать что-то новое, его отличает мятежный и ищущий дух. Будь то Фауст, будь то Дон Жуан - они к новым победам стремятся, или Прометей. Мудрость состоит в том, чтобы скрыть свой ум в житейской повседневности. Поэтому дальше простой жизни - семьи, детей, работы, денег - идти некуда. Просто не существует ни горнего мира, ни всех этих священных дел.

Священство только в одном качестве существует, когда мы с вами общаемся. Мы с вами друзья, между нами есть духовное родство. Это священо, и это единственная награда, которую получает человек вообще, ничего другого нет. Дальше этого идти некуда. Но раз есть великие люди, что мне делать? Они мне сказали, что дальше ходить нельзя, можно только иметь внутреннее постижение этого. Я говорю одно, а подразумеваю другое. У меня есть внутренняя глубина, но я больше ничего не могу к этому добавить, поэтому я принимаю жизнь, как она есть. Запад дает нам вещи, которые увеличивают комфорт жизни. Тем лучше для нас, мы ими воспользуемся, увеличим наш комфорт, будем прекрасно жить, и больше нам ничего не надо. Будем

ВОСТОК-ЗАПАД

щекотать нервишки, так сказать. В этом отношении они, конечно, страшные материалисты. Есть, правда, художники, творческая интеллигенция - старого пошиба, или, скажем, мастера У-шу. Я хорошо знаком со многими в Китае; даже люди молодые, двадцати трех лет, живущие сейчас в Москве, живут год - и ни одного вопроса о нашей жизни, исключая того, что купить, где продать. Их это просто не интересует, я их как особь, что-то понимающая, просто не интересую, и никто не интересуется. Мы просто не можем этого понять, но это так.

А.С.: - А здесь есть какие-то сдвиги, или с вашей точки зрения, эта ситуация статическая?

- Она статична совершенно, и я не вижу, каким образом она может быть изменена для самого Востока, более того, только европеец, впервые приезжающий в Китай, может его разбудить вновь, действительно разбудить. Конечно, не так как он приходит: с пивом, туалетной бумагой и автоматическими карабинами, так не разбудить. А он может заново открыть японцам и китайцам глубину их собственной цивилизации. В этом смысле диалог культур чрезвычайно важен, потому, что сами они этого уже никогда не сделают. Они стоят на том, чтобы скрыть собственную мудрость всеми возможными способами, в том числе и за усердным перенятием западного образа жизни или западной идеологии. Поэтому, сами они уже ничего нового не рожают. Конечно, здесь существуют региональные отличия: корейцы, японцы привыкли перенимать все, поэтому они интересуются нами. Китайцы тоже интересуются нами, но они могут интересоваться нами, как

зверьми такими, понимаете? Откуда взялись такие, почему живые? Не то, чтобы варвары, нет, вот душевные варвары, это фантастика для них, если сталкиваются с этим, но это редко бывает. Корейцы, те в массовом виде готовы приезжать к нам, изучать, потому что там не знают о нас ничего. У них это есть. Японцы тоже, японцы нас изучают, как энтомолог изучает бабочку - это для коллекции, так надо на всякий случай, он просто привык, его учили так всю жизнь. Он, японец, так и у китайцев учился, теперь он будет учиться у американцев, у кого угодно, главное, чтобы у кого-нибудь поучиться. Поэтому здесь существуют свои различия, но плодотворного усвоения Запада я не вижу, и не ясно, каким образом это может состояться.

Добавим к этому чисто эмпирические наблюдения. Абсолютно все японцы одержимы манией гибели Японии и вообще бесперспективностью их жизни. Японская наука безнадежна, японский образ жизни умирает, продолжения нет. Фильм о тонущей Японии - выражение глобального, народного, на родовом уровне выдвинутого ощущения того, что они уперлись носом в зеркальную стену и, кроме собственного носа, уже больше ничего не увидят. Собственный нос. Это невыносимое зрелище. Нужно иметь совершенно отточенную и мощную культуру, чтобы выдерживать это противостояние с собственным носом. Русский этого не выдержит, он сопьется и умрет от чахотки. А японцы выдерживают в силу просто своей воспитанности, чтобы ни было, вот я буду так стоять.

Ладно, бог с ними. В этом смысле они, может быть, не люди в понимании Розанова. Розанов писал, что человек, он так сделан, что если упрется в стену, то сядет и будет ждать: "Я хочу узнать, что там за стеной." Японец, особенно китаец, может и не хотеть узнать, что там. Поэтому что он знает, что там есть то же, что и здесь, и будет то, что было.

М.П.: Вот такая мысль: в мире есть нечто тайное, что должно оставаться тайной.

- Да, тайна, это не то, что вы носите в кармане. Да, есть такая тайна. Вот, возьмите, мастер у-шу. Просто живое воплощение этой мудрости. Ведь он не знает, в чем состоит секрет у-шу. Ведь его идеал - забвение. В жизни идеал китайцев и на Дальнем Востоке - забыть, забвение, а не знание и познание. В забвении мы свободны. Вы свободны забыть обо мне, а я свободен забыть о вас. А? Какая свобода хорошая. Почему я должен о вас помнить, а вы обо мне? У-шуист безошибочно действует в си-

туации. Потому, что он свободен забывать, он не знает, как он бьет, какие приемы применяет - их не существует. Но в той ситуации, когда жизнь его окажется в смертельной опасности, он будет действовать безошибочно. Он не проводит схваток спортивных, не существует какого-то состояния, какого-то обязательного дела. Но я сталкиваюсь с вами, а вы со мной, и вот в этой ситуации я веду себя безошибочно, я могу вас убить или еще что-то, если вы агрессивны по отношению ко мне, если нет, мы с вами дружим, то есть вопрос в ситуационности или ситуативности, совместности проживания людей. В этом отношении стоит подумать над следующей фразой Конфуция: "Не поговорить с человеком, который достоин разговора - значит, потерять человека, а поговорить с человеком, который разговора не достоин - значит потерять слова. Мудрый не теряет ни слов, ни людей." То есть должна быть такая ситуация, когда слова и человек как бы уравновешены. Подумайте на этом. Что за этим стоит. Может, это правила жизни? Нет, не правила. Вы не можете сказать, как и с кем я должен говорить и когда. Вот это и есть выражение мудрости: сказать - и ничего не сказать как бы.

А.С.: Собственно, это и есть идеал восточного мудреца как зеркала, идеального зеркала, которое отражает в себе весь мир, не обнаруживая при этом самого себя.

- Да, но не надо забывать при этом, что в зеркале появляются другие люди. Мудрец дает другим быть тем, что они есть. Когда я говорю, что японец стоит нос к носу с зеркалом, то он делает это только потому, что существует некто мудрый, во внутреннем пространстве которого и выявляется образ каждого из нас. Этот мудрый есть учитель. Может быть внутренний учитель каждого из нас. Поэтому перед ним нам стыдно. Ведь китайскую, японскую цивилизацию называют культурой стыда, в отличие, скажем, от культуры совести или греха. На Западе есть такое распространенное сопоставление, идет оно от Руф Бенедикт, американской женщины-антрополога. Действительно так. Но ведь это стыд не перед другими людьми, а перед самим собой. Этот стыд, если почитаете литературу у китайцев и японцев, прозревается ими в часы ночного бдения, когда они в одиночестве. Перед кем им стыдно-то? Они могут писать: перед мудрецами древности. Для нас это тоже бред, почему я должен стыдиться Иосифа Волоцкого или Сергия Радонежского, например. Почему мне перед ними стыдно? Это стыд такого рода, а не стыдливость, потому, что эти же самые люди -

доказательно запечатлено - могут ходить совершенно раздетыми перед другими людьми. То есть не надо путать этот стыд как внутреннюю категорию с ориентацией на внешний мир. Я что-то много говорю, может быть, вы что-то скажете.

А.С.: Еще, если позволите, немного о Востоке и Западе. Не знаю, правомерна ли такая умозрительная концепция. Известно, что есть такой расклад Запада и Востока: Восток это - мудрость, интуитивная мудрость, то есть собственно знание, некая глубина, часто даже не расчлененная и пытающаяся себя, собственно, и не расчленять. Запад в этом смысле определяется именно как некий формальный принцип, метод, поиск и так далее. Если принимать такую формулу, то оба эти начала недостаточны сами в себе, и то, что мы наблюдаем, сейчас особенно, т.е. вот это тяготение Запада на Восток, оно отчасти понятно: именно метод пытается применить себя на чем-то. И неужели не возникает ничего нового? Если посмотреть на историю, то долгое время Восток изолировал себя всячески, это можно уподобить такому моменту, что Восток сохранил свою девственность, всячески препятствовал любому чужеродному проникновению в свою среду. Запад же издавна, очень издавна, с первых миссионеров, тянулся, тянулся куда-то, причем не понимая еще, зачем и куда он тянется. И, наконец, сейчас, в наше историческое время, три-четыре столетия назад, сейчас наиболее интенсивно начался все-таки контакт Востока и Запада. Не рождается ли при этом чего-то третьего? Женское начало - мудрость, и мужское начало - метод.

- Я прежде всего бы категорически

ВОСТОК-ЗАПАД

возразил против такой дихотомии, которую вы выдвигаете.

А.С.: - Она условна, конечно.

- Да она, я думаю, просто ошибочна. По крайней мере, она не плодотворна для объяснения того, что там реально происходило. Я взял бы другие точки отсчета, потому, что то, что вы говорите, беспредметно почти. А вот то, что я говорю по поводу способов самопознания человека, все-таки дает, мне кажется, больше точек опоры, то, с чего мы начали, я хотел бы закрепить на этом рубеже и не сдавать его, потому что самовосприятие человеческого "Я", форма объективизации "Я", она является для меня определяющей в типе цивилизации и традиции, а не то, что вы говорите: интуиция или познание, они не могут определить тип цивилизации, я не вижу, каким образом это может быть сделано, поэтому для меня существует такое определение Запада и Востока: Запад это - попытка понять предметное содержание человеческого сознания и опыта.

Восточная мудрость отличается ориентацией на определение самих предметов человеческого опыта или образа человека, поэтому образ человека на Западе предметен всегда, а вот образ человека на Востоке предельно предметен, то есть человеческое в жизни это не то или иное содержание знания, а сама предельность существования, и в этом смысле человек уже не отличается от хаоса, потому что хаос это и есть неисчерпаемая конкретность, и человек в мире - это не образ вообще для восточных людей, а это дело. Деятельность отличается текучим, временным и конкретным характером. Поэтому восточной философии вообще не существует. Это чисто западное понятие. Существуют лишь технические инструкции, касающиеся дела, как делать, как медитировать, то есть что такое практика познания как таковая. Сознание есть практика, а не есть некое умозрительное начало, в котором выявляются некие предметные идеи и что бы то ни было. Это во-первых, но это крайне важный момент, потому что если мы не обратим на него внимания, то мы придем к очень неправильным и ложным результатам.

Во-вторых, не существует Запада и Востока в современном мире. Это мой второй тезис. Тот факт, что мы об этом говорим, уже указывает на то, что мы преодолели и то, и другое. Существует поверхность и глубина, потому что рассуждение о Западе и Востоке осмысленно только в том случае, если мы поставим его в контекст самопознания человека, в контекст исторического положения человека

в настоящем современном мире. Наши разговоры о Западе и Востоке порождены глубочайшим кризисом западного образа мышления времен Гегеля и даже Маркса - огромная, непреодолимая пропасть, на мой взгляд.

Современная западная философия на протяжении XX столетия, начиная с Ницше - это последнее и беспощадное само-разоблачение. Поэтому Запад уже утверждает себя как Запад, преодолевая самого себя. Почему так получилось? Потому, что выяснилось, что предметность - ложь и обман. Еще для Гегеля с Марксом это был единственно возможный способ реализации человека в мире. Существует истина, она предметна. Абсолютная идея. Она реализует себя, объективизирует себя в тех или иных феноменах общественного и природного бытия. Все это оказывается ложью сейчас потому, что право на истину узурпировали мерзавцы и обманщики в XX веке. Выяснилось, что Ницше, хотя его считали за человека, просто эпатирующего общество, был прав, когда он говорил, что истина - это разновидность заблуждения, без которого не может обойтись определенный вид живых существ. Оказывается, что это правда. Что истина - это разновидность заблуждения, необходимая иллюзия. И вот только в рамках такого понимания человеческой ситуации возможно возвращение к неким истокам, скажем, восточным, но при этом преодолевается и Восток тоже, потому что ведь Восток в его нынешнем историческом состоянии основан на забвении символической глубины, выраженной понятием мудрость, коль скоро мы можем прийти только к зеркальной поверхности жизни. Жизнь есть только зеркало и сон, далее которого мы не можем проникнуть никогда, ни в какие глубины, тогда мы можем вообще забыть о глубине зеркала и пользоваться только поверхностью. Мы заканчиваем только идеологией и мелким потребительством, то есть удовлетворением мелких наших чувственных вожделений. В этом смысле Восток также выродился, как и Запад. И Запад, и Восток - убудки самих себя в настоящий момент, вообще говоря, но не убудочна идея внутреннего человека, которая прорастает в силу того, что Запад заставляет ее выработать, а Восток дает материал для выработки этой идеи.

В конце концов, не так уж важно, западный человек или восточный, да и какой бы то ни было человек вообще. Важно, что он человек. Это важно, а не то какой он человек. Я думаю, что только сейчас мы подошли к пониманию того, что есть человечность в человеке за пределами всех видимых образов. Только сейчас, когда истина стала игрушкой в

руках обманщиков с одной стороны, а с другой стороны - истина предана забвению ради все более полного удовлетворения непрерывно возрастающих потребностей человека на Востоке, вот только сейчас стало возможным говорить о новом гуманизме, человечности без идеологии, внеидеологической человечности, которая является отличительным свойством планетарной именно цивилизации, мировой, и которая должна стать новым основанием для новой формы единства человеческого рода.

Но это новое единство предполагает, на мой взгляд (этот вопрос может быть уже спорным), все же особую определенную поляризацию, то есть понимание разрыва между поверхностью и глубиной. На поверхности останется все, цивилизация потребления, останется вся мерзость, связанная с ней. Но будет цивилизация внезрелищная, потому что до сих пор цивилизация Запада была зрелищной. Будет открыта незримая глубина в человеке, поэтому сейчас зрелищность, кино умирает. Оно разлагается в видео. Нет кино. Умирает все, что раньше считалось относящимся к ведомству феноменологии, проявление какой-то внутренней реальности, вообще сама постановка вопроса о том, что нужно удовлетворять свои чувственные потребности - она вытекает отсюда же. Это просто профанация той традиции, которая была на Западе. Все это может остаться, оно и будет, но человеческий род будет понимать свою как бы граничность как внутреннее содержание своего бытия. Поэтому будет существовать как бы возвышенное и низменное, поверхностное и внутреннее. От этого мы никуда не уйдем. В этом мне видится большая слабость наших разговоров о так называемой демократии. Демократия для кого? С одной стороны, говорят: даешь демократию, с другой - говорят: с таким народом мы же ничего не сделаем. И это очевидно. Поэтому сам по себе разговор о демократии - это просто орудие в руках нового поколения обманщиков. Но это не значит, что мы должны быть против демократии, мы должны найти путь между "за" и "против". Мы не должны поддаваться прекрасной душе, мол, все люди - человеки. Э, нет! Когда-то, в средние века, человек мыслил по-другому. И вот когда мы поймем, что не люди - это тоже люди, и мы допустим существование не людей среди людей, вот тогда мы действительно достигнем небывалого единения человеческого рода, нового качества человеческого существования.

А.С.: - То есть, фактически, ситуация меняется не так существенно, меняется осознание ситуации.

- Ну, конечно. А что фактически может измениться? Фактически, ничего не может измениться. Луна и солнце встают, как вставали.

А.С.: - Исчезает желание фактического изменения.

- Но это зависит от каждого человека внутренне, может, не стоит декларировать, но каждый должен иметь свой путь.

А.С.: - Не знаю, правильно ли я понял, что предыдущие эпохи характеризовались тем, что были нацелены на изменение ситуации, здесь же - отказ от самой идеи изменения человечества и ситуации.

- Нет, не отказ от самой идеи изменения. Вы можете странствовать по ступеням сознания, просветленности сознания. Я как раз призываю к совершенствованию. Более того, человечность есть совершенствование, но совершенствование разворачивается в особой кристаллической структуре бытия, в которой есть место для всякой твари. Возьмите эту евангельскую притчу: Христос на горе Фавор и бесноватый внизу. И тот, и другой существуют одновременно, существование Христа не отрицает существования бесноватого, хотя принято думать, что в Евангелии говорится о другом. Что как раз одно другое отрицает. Да, где-то отрицает, но где-то и не отрицает.

М.П.: Принципиально, что Господь не может уничтожать, и не хочет.

- Да, не хочет. Не вдаваясь с теологической точки зрения в это, так было, есть и будет. Поэтому не нужно быть таким наивным, что давайте все разом войдем в рай.

А.С.: - Но тем не менее время от времени человечество становится таким наивным, по крайней мере, большими частями.

- Так вот, я счел бы своим долгом указывать на опасность этой наивной веры. Поэтому, конечно, принято обвинять людей, которые говорят иначе, мол, это не демократично, а как же я, а кто же я? Кто это я? Я могу быть и низким, и возвышенным человеком, это во мне живет, но есть и импульс к самосовершенствованию, который, может быть, вообще только развивается в такой ситуации. А по иному быть и не может. Отчего мы хотим быть лучше? Мы понимаем, что в нас живет разное, в нас намешанное. Наконец, я, Владимир Вячеславович Малявин, гражданин СССР, пока еще существующего, некая единица для социологии, ну есть и такая ипостась. Но это же не значит, что я есть я.

ВОСТОК-ЗАПАД

М.П.: В связи с разговором о развитии человека, у Конфуция есть выражение: "...человек расширяет путь, но путь не расширяет человека."

- Это очень, мне кажется, к месту вы назвали. Это есть человечность в человеке. В свете того, что я сказал, мне кажется, это осмысленным становится. Потому что есть нечто в человеке, что является непредсказуемым в силу открытости человеческого существования, незамкнутости его, возможности бесконечного самовосполнения, по существу это так. Кстати, тот же Конфуций сказал, это любимая моя фраза у Конфуция, причем она совершенно неизвестна у нас: "...человек становится человеком только, когда он совершает самое трудное в жизни." Феноменальное изречение. Потому что невозможное в человеческой жизни и есть подлинно человеческое.

М.П.: Как в связи с этим вы отнесетесь к утверждению Даниила Андреева, что конфуцианство сейчас стало тормозом для развития китайской цивилизации, дальнейшего роста.

- Где это он сказал?

М.П.: В "Розе мира".

- Надо сказать, что ни Даниил Андреев, ни другие писавшие о Востоке, конечно, не знают его. Не сочтите такое мое высказывание за высокомерие, но они не знали, о чем пишут, они судили через третьи руки об этом, и они судили по карикатуре, которую сами же нарисовали. Если понимать под конфуцианством тот тип цивилизации, который вырос, конечно, в том историческом виде. Я сам только что об этом сказал. Но совершенно непонятно, тормозом чего он должен быть, потому что развития дальнейшего быть не может по восточным параметрам. Но это еще не конфуцианство. Точно так же я не могу свалить вину на христианство за большевистские погромы, хотя можно было это при желании сделать легко. При желании я могу вывести, что Томазо Кампанела и все прочие только в христианстве и могут возникнуть, и вы меня не опровергнете.

М.П.: Скажите, как вы думаете, Конфуций, Лао цзы, это личности того же порядка, что и Будда, Христос, или разного?

- Нет, разного, конечно. Хотя Лао цзы и Будда - явления одного порядка, я думаю. Это как бы совершенный человек. Христос не человек, он богочеловек. Этим он отличается от них, и когда я говорю об этом новом человеке, я не имею ввиду

ни одного, ни другого, ни третьего, но возможно, именно Иисуса Христа, в конечном счете, но не Будду с Лао цзы, которые свое дело отработали, но оставили то пространство духовного роста, вернее, как бы выкроили его, создали его, которое необходимо человеку запомнить, чтобы двигаться далее, но мы даже до этого еще не доросли. Дело в том, что мы просто стиснуты, у нас нет никакого пространства, мы приплюснуты Левиафаном государственным, тоталитарным, и в силу своей сплюснутости это как прыжки в стороны. Вот туда прыгнем, один направо, другой налево, один вперед, другой назад, понимаете.

А.С.: Что значит "мы" в этом контексте, не очень понятно.

- Ну, советские люди.

А.С.: А что значит советские люди?

- Зачем же придираться к словам, будто вы не знаете, что такое советский человек? Для меня это совершенно конкретно.

А.С.: Я почему об этом спрашиваю, потому что я, например, уверен, что любой из нас здесь сидящих или находящихся за окном в состоянии, если захочет - и такие случаи отнюдь не редки - преодолеть все это.

- А разве я сказал что-нибудь иное?

А.С.: А с другой стороны, если уповать на то, что, некое социальное единение, именно советские люди или еще кто-то одновременно делают какой-то очень большой шаг в духовном развитии, то я в это просто не верю.

- Нет, вы не дослушали немного то, что я хотел сказать. Я хотел сказать, что мы выбираем конфессии, чуть ли не как перчатки. Почти что так. Или с отчаяния делаем. Я многих знаю людей, не мне судить, но в моем личном понимании они обращаются к православию не из-за религиозного опыта, а в силу каких-то причин. Надоело жить, скажем. Хочу чего-то нового, какой-то благодати, и так далее. Но я рассуждаю в этом случае не как человек какой-то конфессии, а как человек, который пытается просто понять. Конечно, я не обвиняю ни в чем. Это их дело, в кого и во что им верить, как и куда ходить. Они мне могут сказать: "Ты ничего не понимаешь, и сиди". Я буду молчать, конечно. Но я не понимаю этого. Я не понимаю, как можно во время пасхальной литургии курить, например, выйти из церкви со службой из храма и

думать, вот мы сейчас с девочками поедem разговляться. Я не хочу сказать ничего плохого об этих людях, но ясно совершенно, что тут что-то не то. Слава богу, конечно, что в это, а не в пьянство и куда-то еще. Но я не вижу в этом органического роста, а для меня человеческая жизнь все же должна расти органично, органично и весело. Вот я не вижу веселья здесь большого. Во многих, не хочу сказать, что во всех это есть, но таков факт.

А.С.: Но если подходить к проявленному миру с точки зрения теории перевоплощения, что в восточном подходе практически неизбежно, то проблемы общества, проблемы социума не так существенны. В конце концов все, что мы видим, находится и движется на своей ступеньке где-то, и требовать большего неправомерно.

- Ну, что же, правильно.

А.С.: То есть, жизнь в проявленном мире у каждого такого человека с этой точки зрения заключается в том, чтобы согласно своей внутренней симпатии найти единомышленников, найти тех людей, которые стоят с тобой рядом, и тянуться за теми, кто стоит выше, и так далее. Все достаточно расслоено здесь, и поэтому претензии в этом смысле к советскому народу и еще к чему-то, мода или не мода, они как-то достаточно поверхностны.

- Ну, правильно рассуждаете, если можете - пожалуйста. Спокойно, без драмы. Я этого не могу, как русский человек. В этом моя как бы не восточность проявляется. И я не знаю, кто может из окружающих меня. Я не видел ни одного человека, который мог бы здесь это сделать. Вот вы так говорите, а вы попробуйте так жить. Я посмотрю на вас.

А.С.: Я пробую.

- Вот тот факт, что вы со мной спорите, уже говорит о том, что вы не можете так жить. Я в этом случае играю свою роль, как в интервью. Все это меня не касается, и только поэтому я так и говорю.

А.С.: Вот другой конкретный вопрос, который созрел еще раньше. Вы человек, будем говорить, западной культуры, русской культуры, вы изучаете Восток. Но нет ли здесь некоего противоречия между тем, кто изучает, и тем, что изучает, что западный человек или русский человек изучает Восток. Есть именно западный путь познания, академический путь и та же восточная интерпретация познания, хотя я могу заблуждаться - самореализация, которая, вообще говоря ни в

грош не ставит этого академического знания. То есть нет ли противоречия, что западный человек пытается изучать Восток академическим путем, создавая такие структуры.

- Во-первых, противоречия нет. Какое может быть противоречие между ребенком и взрослым человеком. Академическое знание - это низшая ступень, совершенно очевидно, бесплодная игра.

А.С.: - Особенно в приложении к этому аспекту - Востоку, который заявляет об этом однозначно.

- Но нет, это было всегда. И на Востоке было это академическое, как вы называете, обучение. Нет противоречия между игрой ребенка и работой взрослого человека. Они отлично могут ужиться. Но есть реальные противоречия, есть, конечно. И очень сильные противоречия. Противоречия между этими двумя позициями. Я не могу ничего добавить к этому. Это можно только развить в том смысле, что есть западный индивидуализм и восточный какой-нибудь коллективизм, или западная отдельность и восточная прикреплённость к родовой общности, будь то школа, семья, не важно. Я не имею ответа на этот вопрос. Более того, это есть мета-проблема и метадрама человеческого существования, которая сейчас начинает проявляться. Я только могу назвать конкретные случаи людей, которые пали жертвами этого несходства. Как разрешить - я не знаю. Ну и слава Богу. Потому что человек, пишущий и мыслящий - на этом можно было бы закончить интервью - похож на такого человека: он дает обещание, которое невозможно выполнить, и когда к нему приходит толпа, чернь, которая говорит: "...как же так, мы прочли ваши книги, вы нам обещали, где это? Почему нельзя совместить одно с другим и получить этот хрустальный шар бытия, который вы тут нам нарисовали?" Что он может сказать им в ответ? Он скажет: "Да? Как не получается? Но у меня нет ничего, кроме меня самого. Ну, хотите, возьмите меня. Я могу вам отдать только свою жизнь. Больше я ничего не могу вам сделать". Вот так. Я думаю, на этом можно закончить. Какое он место занимает во всех этих иерархиях - это вопрос уже слишком отвлеченный по отношению к тому, что реально переживает человек, находящийся в этой ситуации.

ВОСТОК-ЗАПАД

Путь России - путь поиска.

Разговор с В.И.Кторовым

М.Погарский: Василий Иванович, как Вы относитесь к процессам, которые сейчас происходят в русской культуре?

В.Кторов: Я участвую в них.

М.П.: Я имею в виду...

В.К.: Вопрос, конечно, очень серьезный. И это, кстати, определенная черта русской интеллигенции - буквально ко всему относиться серьезно, забывая, что высшая степень серьезности - это ирония.

Так вот, сейчас интеллигенция, по-моему, очень серьезно озабочена, с одной стороны, кажущимся упадком русской культуры, а с другой стороны - возросшим влиянием запада на нее.

Но ведь это особенность нашей культуры! Она всегда была открыта к изучению других культур и всегда попадала под их влияние. Вот эта детская доверчивость и есть одна из важнейших сторон нашей культуры. Но при этом, заметьте, она никогда не теряла своего пути, своего внутреннего стержня.

М.П.: А в чем состоит этот путь?

В.К.: Можно выделить четыре основных разновидности среди существующих путей развития. Во-первых, это Восток. Это путь погружения в глубины собственного Я. Путь, ведущий к просветлению, которому завидуют даже Боги. Казалось бы, нонсенс, как это Боги могут завидовать смертным? Но, оказываются, могут. Могут, потому что просветление - это самое лучшее, что произошло в жизни индивидуальной субстанции. Хотя, по сути, при этом происходит смерть индивидуальности, поскольку просветление - это есть осознание себя как части единосущего.

Второй путь - это путь язычества. Путь, который часто незаслуженно отменяют вообще или считают его низшей ступенью других путей. На самом деле это совершенно самостоятельный путь. Это путь, который в конечном итоге приводит человека к тому же, к чему приводит и

путь Востока, но, в отличие от Восточного пути, постижение единосущего происходит здесь не через ворота внутреннего Я, а посредством растворения Я в окружающем мире, посредством слияния внутреннего Я с внешним.

Третий путь - это путь Запада. Путь разума, логики и прогресса. Этот путь многие считают тупиковым путем. Говорят о принципиальной непостижимости духовных понятий через логику и разум. О пределе человеческого познания, о несомненной ущербности всех логических построений, поскольку они опираются на аксиомы и т.д. Но я думаю, что этот путь также в конце концов приведет человека к тому же, к чему приводят и другие пути. Другое дело, что он, без сомнения, более опасен и более долог.

М.П.: То есть, на Западе тоже возобладает идея единосущего?

В.К.: Во-первых, давайте уточним, что значит "на Западе"? Говоря о Восточном и Западном пути, мы, конечно, прежде всего говорим о традиции. И если Ваш вопрос подразумевает возобладание одной традиции над другой, то я говорю не об этом, а о том, что посредством накопления информации, посредством физического воздействия на интеллектуальные способности, посредством привлечения искусственного интеллекта западный человек в конце концов придет к тому же, к чему восточный человек приходит через неведомые нам каналы своего Я.

К какому итогу они придут, мы, на самом деле, не знаем. Идея единосущего - это все-таки человеческая идея, которую, как кажется смертным, могут постичь только просветленные. Но ведь постигли-то они не идею, постигли-то они, условно говоря, все мироздание. И лишь подтвердили основные человеческие идеи, практически ничего не привнеся в них, кроме самих себя, как реальности, вышедшей за створки бытия.

Четвертый путь развития - это путь России, путь непрекращающегося поиска. Поиска не пути и не истины, поиска

правды. Человек российского пути уверен в возможности обрести рай на земле, начать вечное странствование уже здесь, в своей обыденной жизни. Отсюда и широта русской души, и постоянное впадение в крайности, и тяга к скитаниям, и увлечение иноземными культурами. Заметьте, попытка европеизации России Петром Первым практически совпала с окончанием освоения бескрайних восточных земель. Поиск. Постоянный поиск. Поиск во всех слоях и во всех направлениях. Взять любого русского писателя. И его биография, и его творчество будут примером общероссийского поиска. Лев Толстой - очень символическая в этом смысле фигура. Бурные метания молодости. Потом, казалось бы, полная определенность. И вдруг уход. Многие считают этот уход закономерным продолжением пути, для меня это так, но с добавлением, что этот путь был путем поиска. Или, например, Константин Леонтьев - студент, военврач, деревенский житель, дипломат, великий эстет, философ, ниспровергающий Соловьева и Достоевского, знаток и поклонник мусульманства - и вдруг это его обращение на Новом Афоне, и исчезновение...

А вот Тургенев - это уже почти западный писатель. А, скажем, Набоков - это уже просто квинтэссенция западного писателя.

М.П.: А что такое вообще "западный писатель"?

В.К.: Для западного писателя или, более широко, художника искусство представляет абсолютную ценность. Это самостоятельный пласт, претендующий на эстетизм восприятия, и не более. Для российского писателя характерно сомнение в самой культуре. Вопрос, зачем вообще пишет писатель - очень русский вопрос. Литература для него не цель, но способ реализации. Способ поиска.

М.П.: Мне не совсем понятно, что значит поиск правды? И к чему в конце концов ведет этот поиск?

В.К.: Все пути, видимо, приводят к одному и тому же. Но направлены на разное. Правда, в отличие от истины, не спрятана, не сокрыта, она дана, и ее нужно только увидеть. Если истину - познают, то правду - постигают или, может быть, даже воплощают.

М.П.: Только ли в направлении различие западного и российского поиска?

В.К.: Путь Запада - это все-таки не поиск. Это решение определенных задач, и не более. Любое подходящее решение, как правило, исчерпывает всю проблему. Путь поиска - это очень сложный и запутанный путь, это путь исключения всех возможных вариантов. И фраза Чаадаева, что историческая миссия России заключается в том, чтобы показать всему миру, как надо жить, очень глубока. Но для меня тут нет никакого уничижения и никакой трагедии. Таков путь. И Россия производит этот отброс вариантов не только для остального мира, но, в первую очередь, для себя. На этом пути, кстати, должна быть отброшена и сама правда. И только потом, при полном переборе вариантов, произойдет возвращение к ней. Здесь можно опять привести пример из индивидуальной жизни, скажем, Павла Флоренского. В детстве он уже почувствовал присутствие Бога в особенных явлениях, окружающих его. Потом прошел путь ученого, философа и теолога, чтобы в конце концов вернуться к тому же, что он интуитивно почувствовал в детстве.

М.П.: А кроме перечисленных путей существуют другие? Путь веры, например?

В.К.: Что значит "путь веры"? Ведь эти пути по своей сути ведут к вере. Но не к той пустой вере, которой обладают большинство прихожан, а к всеобъемлющей, наполненной вере. Пустая вера - это вера в нечто, вера без постижения. То есть, пути веры как такового для меня не существует. И верующий человек, и человек сомнения могут идти любым из путей. Что же касается других путей, то, разумеется, могут быть и другие, но я их не знаю. Ну и, естественно, происходит смешение путей. Любая абстракция есть абстракция, а в жизни все, конечно, сложнее и тоньше.

И, разумеется, я далек от мысли о каком-то избранничестве русского народа. Вот, мол, какой ему уготован путь. Нет, просто существуют четыре возможных пути: самоуглубление, растворение, прогресс, поиск, и каждая из стран, в силу множества различных причин, тяготеет к какому-то из этих путей.

ВОСТОК-ЗАПАД

Борис Гребенщиков

Россия вся не потонет

Из беседы с Дмитрием Крюковым

Дмитрий Крюков: Ты недавно был в Израиле, насколько мне известно?

Борис Гребенщиков: Угу, вот мы втроем...

Д.К.: Надеюсь, там-то ощущения конца света, такого яркого, как здесь, все-таки нет, или, может быть, есть?

Б.Г.: Да нет... Конец света происходит внутри человека. То, что происходит снаружи - это просто декорация: конец света, Воскресение и Небесный Иерусалим.

Я могу сказать одно: мы ехали в Израиль с абсолютно конкретной целью - нам было дано знать, что у Гроба Господня, как бы у истоков, начнется новое для нас, новый "Аквариум". Ну и мы поехали, чтобы определить, так это или нет. И это оказалось так. Видение оказалось правдой.

А еще мы вывезли оттуда... сильно голову почистили, мне, по крайней мере. Многими вещами смог начать интересоваться, на которые у меня раньше не хватало энергии. Ну и потом просто посмотрели на... Не знаю, это другая страна, и сам по себе Иерусалим - место, которое может очень многому научить, очень многое дать почувствовать...

То, что происходит, складывается в очень ясную, как мне кажется, и простую картину, -и здесь, и на Западе; но здесь, поскольку все более хаотично, это виднее: идет разделение многослойной, многомерной материи нашей жизни на какие-то составляющие, и тяжелая русская, я бы сказал, торговая составляющая тянет на дно, а составляющая более легкая, ну может быть, более духовная, не знаю, слово "духовный" очень сладкое, я не люблю его, - но имеющая, скорее, отношение к духу, каким-то таким вещам, - она отделяется и, оставаясь физически как бы на том же самом месте, в каком-то измерении идет очень далеко: может быть, вверх или в **бок**. Идет разделение на фракции, как в химии. Для меня это

Рисунок Марины Шляпиной

совпадает с тем, о чем Иоанн писал в Откровениях.

То есть Новый Иерусалим - это просто другое, качественно иное состояние духа, не имеющее отношение к попытке вдуть кому-то десять пар джинсов заплатанных. Мне ненавистно то, что сейчас происходит в России, хотя я понимаю, что без этого, вероятно, не обойтись, когда девяносто процентов страны что-то отчаянно перепродают друг другу, причем не то, что они сделали, а то, что сделали где-то в Корее. Мне кажется это чудовищным, но, вероятно, через такую фазу нужно пройти.

Д.К.: А будет ли что-то в конце?

Б.Г.: Будет, потому что не будет никакого конца. Есть всегда трансформация процесса, видоизменение его. Конец - это энергетически невозможная вещь, когда энергия была, и вдруг ее нету. Это закон термодинамики - из ничего ничего не появляется, и ничего никуда не исчезает.

Физически эта огромная страна деться никуда не может - слишком много ее. Я понимаю, Англия может потонуть вся, а Россия вся не потонет. Поэтому что-то тут будет происходить, живые существа тут будут жить, следовательно, у них будет культура. Русский язык - это тоже провалиться, исчезнуть никуда не может, поэтому это будет русская культура... Ну, просто я думаю, что эта накипь, которая сейчас невежественна, чудовищна и страшна, она постепенно саму себя должна съесть.

Д.К.: А не съест ли она еще кого-нибудь?

Б.Г.: Съест. Съест обязательно. Она съест все, что она может съесть, и дело каждого человека - позволить себя съесть или не позволить. Потому что есть духовная война, все время идет и всегда шла, и вот сейчас идет особенно явно, для меня, по крайней мере.

Вот битва между тем, что красиво называется Духом - хотя в этом нет ничего ни красивого, ни некрасивого, это констатация факта, определенный метод постижения истины - между Духом и инертной материей, которой пожрать, выпить, трахнуть кого-нибудь, и все. Конечно же, все не так просто, но формально это можно выразить так. И дело каждого - с этой инертной материей в самом себе и вокруг себя как-то разбираться. Но единственное, что могу сказать, - что эта борьба беспощадна,

компромисса тут никакого нет.

Д.К.: Вместе с коммерциализацией, решением каких-то экономических проблем к нам приходит как бы фрагмент западного духа, происходит западная инвестиция на духовном уровне.

Б.Г.: Ура, ура, ура. Я целиком "за", потому что ни одна культура, если она держится только на том, что она строго заперта...

Д.К.: Это уже было, и очень долго.

Б.Г.: Эта культура больна. Здоровая культура ассимилирует все, что есть, и становится только здоровее.

Д.К.: То есть концепция некоего хитрого, особого, замкнутого русского пути тебе неблизка?

Б.Г.: Замкнутый особый русский путь ведет либо в кабак, либо к погрому, но, как правило, и туда, и туда одновременно.

Д.К.: Логически ведет?

Б.Г.: Да. А что такое русский путь, особый? Я не помню ни одного русского человека, который шел бы особым русским путем и чего-либо добился, признаться, не могу вспомнить.

Д.К.: Ну, а подвижники?

Б.Г.: Подвижники, да? Они шли специфическим русским путем? Ни фига, они шли путем Духа. Весь этот "русский" дух, простите, держался на писаниях святых отцов, в основном Синайской пустыни. Очень русский дух. "Добротолубие", "Листвицы", все-все остальное - кем это было написано? Этот русский дух получил сокрушающий удар от Иосифа Волоцкого, и с тех пор православие покатилось совсем другим путем. Подвижником можно быть в любом месте, в любой сфере, религиозной, философской, жизненной. И таких подвижников много. Я не вижу в этом ничего особо русского, это русским можно называть, когда сравниваешь с чем-то другим. Это человеческое. Естественно, что русское, поскольку это происходит в России и в русской культуре.

3 сентября 1992 года,
Санкт-Петербург

Андроник Назаретян

В электричке метро, ты не знаешь, за черным стеклом
Вдруг качнется Мадрид, застучат в темноте кастаньеты,
Будто шарканье сбилось со счета в пыли городском,
И поводит округлыми бедрами жаркое лето.

Задохнись, затяни канде хондо, давай, гитарист! -
Не угнаться сопилке за воем разнузданных станций.
Маракасы твои берегут твое непостоянство,
И срывается голос и вьется нелеп и нечист.

Заглуши мою боль по ночлегу и в вихре таком
Дай понять мне хотя бы, что это творится такое...
Но уже раздвигает мне губы тугим языком
И сжимает запястья шальная Солеос Мантойя.

И сирень зацветает на левой груди у нее,
И ладонь, как суденышко тонет в крахмаленых юбках.
За Кропоткинской, Господи, имя второе мое
Вспоминает и тает за первым вагонным приступком...

Оглушен, оглушен, я прибыл, пора выходить.
И качает походку портвейном такого разлива,
Что сначала бы выжить, подняться, вздохнуть, закурить
И опомниться и распрямиться легко и красиво.

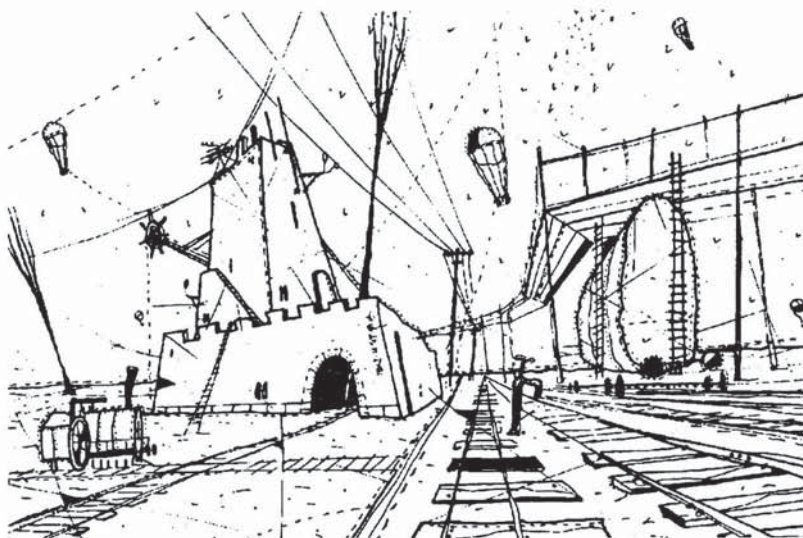

Рисунок Вячеслава Мазурова

Театр книги БАГАЖ

В беседе с нашим корреспондентом А.БИТОВ представляет театр книги БАГАЖ.

Фирма Багаж была основана в 1984 году на основе уже многолетнего тесного сотрудничества ее основателей, которые во плоти являются ее уставным фондом. В связи с твердой конвертируемостью изначального капитала и нестабильностью рубля фирма до сих пор испытывает ряд организационных трудностей. Долгое время ей приходилось скрываться под маской более крупных, ныне обрешивающихся фирм, таких, как "Советский писатель", "Молодая гвардия" и т.п., однако, несмотря на несовершенство и неквалифицированное исполнение, ряд книг удалось выпустить с намеком на основную идею, "Год за два" М.Жванецкого, "Грузинский альбом", "Человек в пейзаже" А.Битова и ряд других, в том числе и в зарубежных издательствах, как, например, "Птицы" с фотографиями Юрия Роста в швейцарском издательстве "Пендо".

Из огромной пушкинской серии, иллюстрируемой Резо Габриадзе, пока вышли в свет два, наконец, аутентичных издания - "Пушкин в Испании" в Париже у М.В.Розановой и "Трудолюбивый Пушкин" в Москве у Е.А.Фирера, общим тиражом 200 (!) экземпляров.

Фундаментальная идея издательства может быть сформулирована так: книга, как таковая, является произведением искусства, то есть внутренним является на только содержание, но и форма, а внешним не только форма, но и содержание.

Москва, Краснопрудная, 23.04.92 г.

Резо Габриадзе

Рисунки Резо Габриадзе
к сочинению Андрея Битова
"Как был написан "Медный всадник"

Читала и подумала. Опыт ленивой рецензии

Мы публикуем отзыв читателя на первый номер альманаха "Дирижабль"

*-Я одну вашу вещьцу - читала,
И знаете: я бы никогда
не подумала,
что на полсотни страниц
можно столько нанести
околесицы.
Это выше человеческих сил.
-Так ли уж выше! -
я, польщенный,
разбил и выпил...*

В. Ерофеев
"Москва - Петушки"

"Лакета!"-кричит моя малолетняя дочь и пытается вырвать из рук альманах. "Это, милая, не ракета, а дирижабль," - говорю я с укоризной. "Какой дирижабль, не видишь сама - лакета," - несколько минут она меня презирает и раздраженно кидает песок на головы соседей по песочнице.

Под нудным стадионным солнцем поток моего сознания неспешно двигается в струях прогретого воздуха. Поэтому хочу честно признаться: я не прочитала работу А. Стрелкова "Попытка молчания или еще одна трактовка пустоты" и интервью с писателем Л. Бежиным. Ну не смогла.

Зато было вне моей ментальности пропустить интервью с блистательным А. Битовым. "Шел и подумал", - лукавит Андрей Георгиевич, но извилистый ход его нетривиальных мыслей порождает догадку, что может он и шел куда поначалу, но потом сел, расслабился, закурил, а потом уже подумал.

К слову, алкогольная тематика скрепляет альманах лучше стальных скрепок. Резо Габриадзе под проливным дождем! на воздушном шаре! отправляет Пушкина в Нижний, да еще дает ему в дорогу изрядное количество вина. Очень поэтично описывает симптомы белой горячки Л. Шевченко ("И станут греки по утрам являться..."). "Когда раскрашивает жизнь Холодный воздух в цвет запоя..." - делится своим наблюдением над необычным атмосферным явлением И. Эйдман. "Не начинается ли и вся наша жизнь с похмелья?" - до истинных философских высот в осмыслении известного синдрома поднимается М. Погарский ("Роман, которого не было").

И тут самое время сказать об оформлении. Мы смотрели "калтинки" с дочкой. Иногда она тихо вздрагивала, иногда с сарказмом спрашивала; "А дядя что ли не умеет лисовать?" Простим ей эту незамутненность восприятия, трогательную непосредственность и некоторую прямолинейность в оценках. У нее еще все впереди - и божественный радиофак университета, давший шесть авторов этого номера, разовьет в свое время и ее художественный вкус.

...Ну если я кого ругала - карайте строго. Но это вряд ли, потому что звездануло солнце мне по глазам, шарахнуло тридцатым градусом по темени, замутило сознание. Гляжу, а ко мне по росе осиянной идет Хороший Человек, несет в руках "Дирижабль", а над головой его зарево полыхает, и буквы огненные в слово победное складываются - "НИКА".

Это я - Леночка.

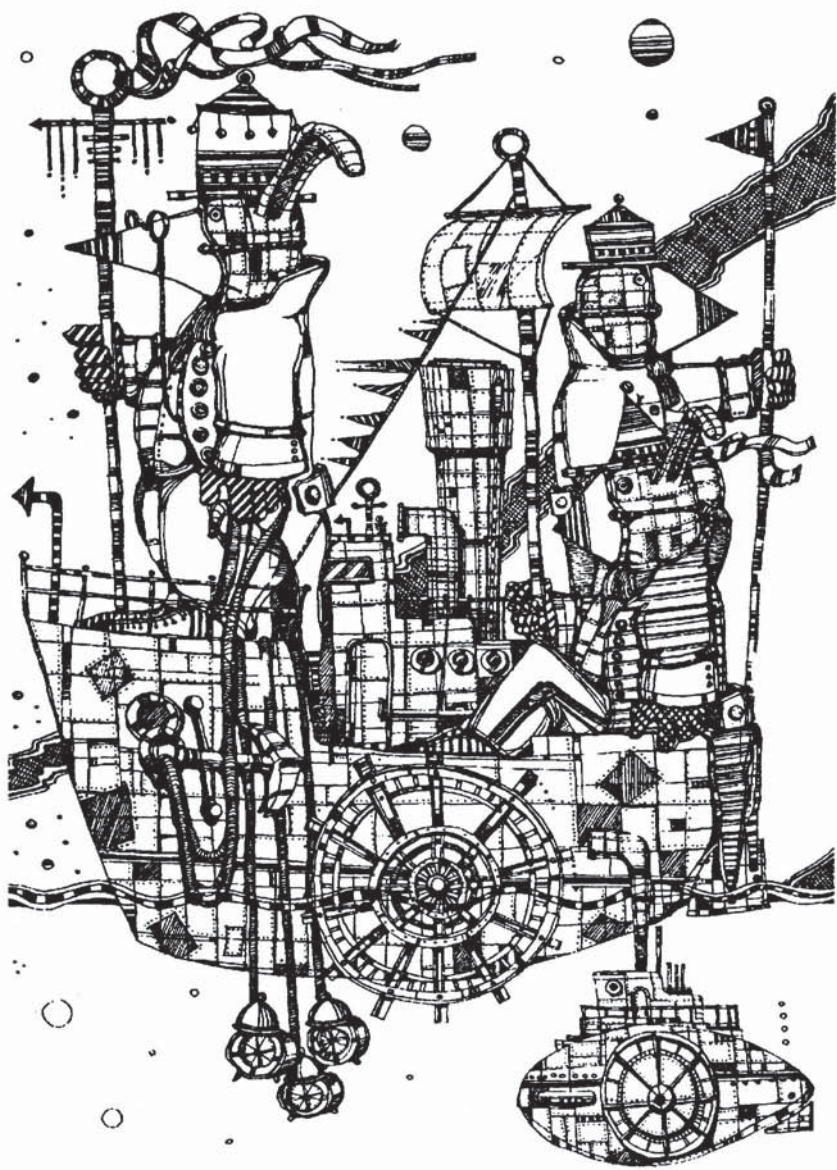

Рисунок Александра Кобяка

Издательско-коммерческой фирмой "Водолей" при участии издательства "Obscure Viri" выпущен первый номер регулярного журнала искусств "МЕСТО ПЕЧАТИ".

В выпуске: пьеса Леонида Тишкова, роман Юлии Кисиной, эссе Дмитрия Суходольского и Бориса Юхананова, этюд Василия Кондратьева, заметки Екатерины Андреевой, Андрея Ковалева, Анны Ципенюк и других;

рисунки Константина Звездочетова, Юлии Кисиной, Резо Габриадзе, Леонида Тишкова.

Издатель Александр Малюгин, главный редактор Николай Шептулин. Объем журнала 8 печатных листов, тираж 5000 экземпляров.

Газета "ГУМАНИТАРНЫЙ ФОНД" -

завтрашний день новейшего искусства, уникальная информация о нем, трибуна самых смелых культурологических концепций.

Адрес редакции:
119034, Москва, Малый Левшинский пер., 14/9 ВГФ им. А. С. Пушкина,

телефон 201-30-79

Редактор Михаил Ромм.

СОЛО - литературный журнал, полностью посвященный неизвестным талантам, которым так же трудно пробиться в условиях рынка, как и в условиях сплошной идеологизации.

СОЛО - это уникальный, с первого звука узнаваемый голос автора.

Если вы хотите узнать не только настоящее, но и будущее литературы - читайте **СОЛО**

Новый поэтический журнал.

Издатель:
Издательское предприятие "Время" объединения
"Всесоюзный молодежный книжный центр".

Главный редактор - Валерий Сафранский.

Адрес редакции: 248601, Калуга, а/я 54.
Телефон: (084-22) 7-54-42 Факс: 08422-44523

Альманах литературно-издательского агентства Р. Элинина:

Мы хотим лишь одного - познакомить читателя с интересными, на наш взгляд, авторами и дать этим авторам возможность высказаться и быть услышанными.

ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТОРГОВАЯ АССОЦИАЦИЯ "НИКА"

- Альманах "Дирижабль" выпускается два раза в год объемом четыре печатных листа на средства Производственно-Торговой Ассоциации "НИКА" силами редакции, находящейся в Нижнем Новгороде.
- В альманахе публикуется проза, поэзия и графика начинающих авторов из Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга и других городов, а также беседы с некоторыми известными писателями и художниками.
- Альманах представляет собой достаточно частное предприятие, не претендующее на отражение всего разнообразия эстетических концепций, и ориентирован на определенный круг авторов (а также читателей), объединенных общим художественным мировоззрением.
- Редакция будет рада знакомству с работами новых для нее авторов, с критическими замечаниями, а также с другими аналогичными изданиями.
- Редакция заинтересована в предложениях по рекламе, распространению, технической и финансовой поддержке альманаха.
- К сожалению, редакция не располагает возможностью возвращения и рецензирования рукописей.
- Вы можете получить альманах по почте, переведя 30 рублей за второй или 15 рублей за первый номер, почтовым переводом с пометкой "Дирижабль" по адресу: Нижний Новгород, 603106, до востребования Стрелкову Евгению Михайловичу. При этом не забудьте указать обратный адрес.

Редактор альманаха Евгений Стрелков
тел.: (8312) 62-84-03

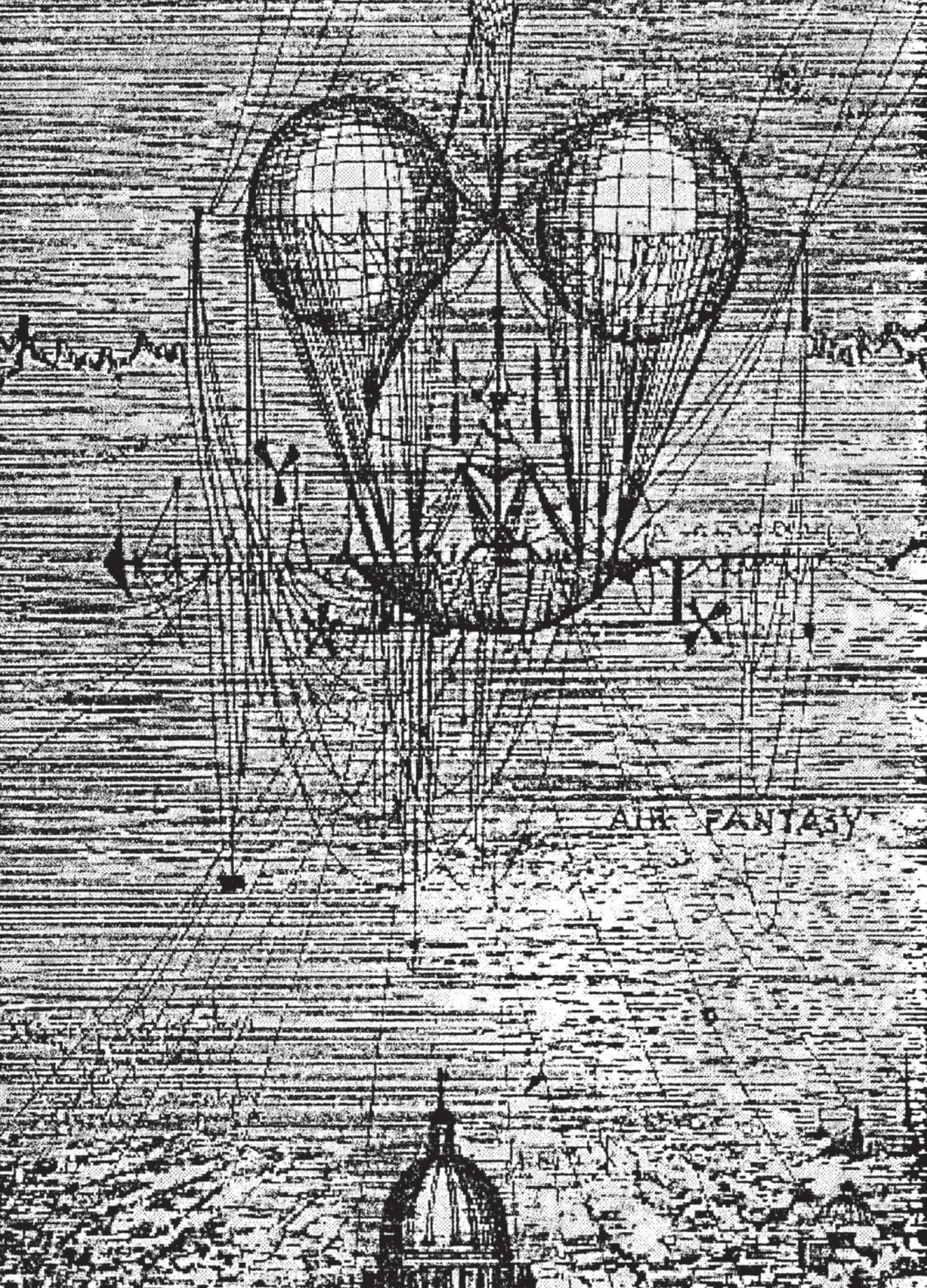
Редакция благодарит за помощь в подготовке выпуска

Институт Прикладной Физики Российской Академии Наук

Акционерную Компанию VISTA

AIR FANTASY